

Жорж Милославский. Альтернатива

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Юрий Ра

18+

Юрий Ра

**Жорж Милославский.
Альтернатива**

«Автор»

2022

Юрий Ра

Жорж Милославский. Альтернатива / Юрий Ра — «Автор», 2022

Товарищ из органов Жорж Милославский скучает на службе и мечтает вырваться из суровой действительности альтернативной истории. Тут даже кооперативов нет, крышевать некого. Он не знает, к чему приведет его прогрессорство, он не читал "Идентификацию Буратино", а посему просто живет и тянет одеяло на себя и свою Родину. Пятый роман цикла. Принимать натошак после первых четырех. Содержит нецензурную брань.

© Юрий Ра, 2022

© Автор, 2022

Содержание

Глава 1. Даю вводную	5
Глава 2. Огневая подготовка	10
Глава 3. В упор из нагана	16
Глава 4. Мастер-класс	21
Глава 5. Старые друзья не меняются	26
Глава 6. Полевой выход	31
Глава 7. Лицедои	37
Глава 8. Такая долгая ночь	43
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Юрий Ра

Жорж Милославский. Альтернатива

Глава 1. Даю вводную

Когда меня спрашивают о моем возрасте, я совершенно честно заявляю, что это закрытая информация. В удостоверении личности указано моё имя, Георгий Милославский и звание, старший лейтенант КГБ СССР. То есть отчество тоже указано, но я настолько молодо выгляжу для своих лет, что можно и так, без отчества. Если спросить моих родителей, то они скажут – девятнадцать полных годиков мальчику, то есть мой биологический возраст слегка не соответствует званию и должности. Потому как есть еще и возраст моей личности. Прожил полста плюс еще год, а потом рррраз! – и перенос хрен-знает каким макаром в себя одиннадцатилетнего. И вот уже девятый год живу по второму разу. Так что возраст моей многострадальной личности почти шестьдесят. Пора о пенсии думать, ну и о душе. Вы скажете, что я бред плету по пьяной лавочке. Хуже – это бред на трезвую голову. Одно спасает от палаты с мягкой обивкой – я чутка попробовал и просек, как же классно быть молодым! Поэтому вцепился в новую жизнь и держусь за неё всеми конечностями. Да, включая даже ту, в которой костей нет. И языком тоже. И зубами.

Мой старый знакомый мир слегка изменился, когда я случайно наступил на бабочку Рэя Бредберри, а потом попрыгал на ней для верности. Не так, чтоб сильно, но я продолжаю ходить по улицам и старательно давить всех бабочек подряд, вдруг есть еще какая-то того же вида. Самое приятное, что товарищи знают о моих энтомологических пристрастиях и не мешают ничем образом. Им тоже не хочется, чтоб мир, наш с ними мир свалился ровно туда, куда он катится. Так что правим траекторию, как можем, выбираем яму помельче, тормозные штурвалы крутим, раз автотормоза в поезде не действуют. Отвлекся, а курсанты уже собрались, пора начинать первое занятие по моделям поведения.

– Меня зовут Жорж Милославский. Этого достаточно, звание и отчество вам не нужны. Точно также как не нужны на моих занятиях эти подробности и вам. Тем более, никаких погон на вас сейчас не наблюдается. Первый вопрос: кто читал «Моральный кодекс строителя коммунизма», поднимите руки. Отлично, а кто читал «Устав ВЛКСМ»? Совсем хорошо, тогда эти важнейшие документы на моих занятиях мы изучать не будем, вы их и так знаете как «Отче наш». Равно как и труды товарища Ленина мы конспектировать не станем, его слова у вас в сердцах высечены. Проверять не буду.

Перед молодыми сотрудниками комитета госбезопасности выступал неприлично молодой человек. Он сидел на краешке стола в небрежной позе и выглядел абсолютно несерьезно. Начиная с одежды – джинсы, полусапожки, черная водолазка и потертая жилетка тоже джинсовая. Раздолбайская удлиненная прическа и усы – типичный рокер. Но раз сидит на столе преподавателя, значит имеет право. Значит так надо.

Слушателями курсов усовершенствования офицерского состава в Балашихе, сокращенно КУОС, на которые меня отправили, были молодые и перспективные бойцы силовых подразделений КГБ из разных регионов России. Программа обучения была рассчитана на семь месяцев и включала в себя комплекс дисциплин, нацеленных на подготовку командиров оперативно-боевой группы или разведывательно-диверсионного подразделения: специальная физическая, огневая, воздушно-десантная и горная подготовка, специальная тактика, минно-подрывное дело, топография, навыки разведывательной деятельности, изучение опыта партизанской борьбы. Моя группа шла отдельно, начальство решило поэкспериментировать с личным составом. Курсы длились полгода, при этом упор делался не на операции по захвату или

ликвидации кого-то, а на сбор информации, внедрение в коллективы, одиночные задания, причем также не силовые. Фишка избирательного территориального принципа подбора курсантов объяснялась логично. Подробностей всем нельзя знать, но мне можно, мой непосредственный начальник Петя Онегин рассказал, что существует некий план «Черепеха». Оказывается, в нашей организации начали потихоньку отделять агнцев из союзных республик от наших российских козлиц. То есть козлиц в работу, агнцев от нас подальше, в сторону.

КУОС находился в ведомстве Восьмого отдела, специализировавшегося диверсиями, спецоперациями и разведкой. А моя пробная группа подчинялась Второму управлению. И тут, в епархии Восьмерки, людям не очень понравилось, что сосед лезет своими дрожащими ручонками к их святой святых. Говорят, вопрос разруливал сам Чебриков, заставляя своих подчиненных искать формат взаимодействия по учебному процессу. Умом понимаю неизбежность тёрков между служащими разных отделов, но с души воротит – люди не за дело болеют, а за местнические интересы. Но что есть, то есть.

– На моих занятиях вы научитесь не вставать, когда в помещение входит старший по званию, не ходить по улицам с суровым и решительным видом и не гладить джинсы. Те из вас, кто не сможет воровать мелочь, подпевать Кинчеву или чесать промежность при девушках, уйдут с курсов с пометкой «негибкое мышление» и будут охранять мавзолей до пенсии. Вопросы есть?

– Лейтенант Скворцов. Я надеюсь, ваше выступление шутка. Или провокация?

– Скворцов. Витя. Угу, отличник, зарекомендовал, истинный ариец, беспощаден к врагам рейха... Сядь, недоразумение. У меня на каждого из вас объективка, все они как под копирку написаны тупыми кадровиками, которые не работают в поле, не проваливают операции, зато считаются зубрами кадровой работы. Витя, я же просил обойтись без званий. Ты тупой?

– Виноват, товарищ Милославский!

– Парни, когда по улице идет наш с вами коллега, все коты чуют представителя органов госбезопасности, а второклассники отдают честь, прикладывая левую руку к вязаным шапочкам. Это называется проф.непригодность. Что не ясно?! Пахомов кто из вас?

– Я!

– Головка от патефона! Что, без этого «Я» не можешь обойтись? Нахера ты вытянулся по стойке смирно? Так вот, товарищи мои дорогие, мы с вами на моих занятиях должны научиться быть людьми. Футбольными болельщиками, рабочими после смены, фарцой, колхозниками, шпаной, студентами... Я не знаю, на какую работу кто из вас пойдет послезавтра, я знаю, что сейчас вас в поле посылать нельзя.

Чтоб вылепить из человека что-то новое, надо сначала вывести его из устойчивого равновесия и заставить предположить, что комплекс его ценностей и правил не данность, а условность. Как ни странно, опрокидывать коллектив легче, чем одного человека. В одиночку жертва порой бьется до последнего, защищая свои идеалы. А в компании, делегирует эту обязанность коллективу или тем, кто вроде как сильнее. В результате личность растворяется в массе и идет на поводу у толпы. Главное, говорить уверенным голосом. А уж если ты на более высокой социальной ступени, нет такой дичи, на которую нельзя подтолкнуть группу. Будет вам дичь, парни!

Жизнь – это не только работа или служба в моём случае. В жизни есть быт, родители, всякие девушки... С бытом всё просто – следи за тем, чтоб холодильник не пустел или наоборот не покрывался буйной плесенью, мой посуду, делай уборку... честно говоря, подзадолбал этот быт. Но жить в грязи не готов и не обучен. Родители один раз после получения новой квартиры приехали полюбопытствовать и убедиться, что у их сына всё хорошо, а потом успокоились. Я даже подозреваю, что до этого момента они не очень верили в мои истории про службу в органах и чудесное увольнение со срочной службы. Удостоверение любой слепить сможет, а вот квартиру в столице – только мастер. Всякие девушки радовали своим разнообразием, но

одновременно расстраивало, что они всякие, а не те единственные, за которых в огонь и в воду. Так бы парочку-троечку единственных я бы предпочел тем пяти всяким.

Отдельная квартира с евроремонтом привлекала внимание, даже при отсутствии такого термина как «евроремонт». Приличная радиоаппаратура была пока в мечтах, но кое-что вполне приличное, хоть и поюзанное, то есть из комиссионки у меня было и пело. А вот телевизора не было. Пожалуй, эта деталь более всего прочего удивляла гостей. А еще замок на двери подъезда. Эта фишка из будущего была принесена мной и внедрена с безжалостностью сатрапа и палача. Жильцы нашего подъезда покумекали, подумали, вспомнили, как выглядят лифты во многих многоэтажках и сообща купили новый замок, да сами его и установили. Пара избитых мной соседей, не признававших за обществом права навязывать пролетариям свои порядки, быстро прониклась уважения. Открывать с ноги запертую дверь подъезда перестали. Особенно смешно получилось с одним из них, когда он вызвал милицию и написал заявление на меня. Через пятнадцать суток, когда он вернулся с общественно-полезных работ, дядька даже поблагодарил, что я его не упек на два года за злостное хулиганство. А то понимаешь «Мой дом тут стоял раньше, я поутру выходил ссать на крыльцо. Я и сейчас с крыльца ссать буду, из принципа! Или с балкона, ежели лень вниз идти!» За принципы не все готовы погибать.

Занятия по огневой подготовке у этой группы вел тоже я. И тоже в нетрадиционной манере. Экспериментировать, так до упора.

– Бойцы, кто из вас умеет обращаться с огнестрельным оружием, поднимите руки. – все подняли.

– Хорошо, поднимите руки те, кто занимался практической стрельбой. – две руки.

– Ладушки. Поднимите руку, кто участвовал в огневом контакте с противником. – ни одной.

– А теперь вопрос, с чего вы тогда решили, что умеете обращаться с оружием? Вам кто-то сказал или вы сами себя убедили?

– Мы офицеры, нас учили! Нормативы сдавали! Стреляли!

– Хорошо, посмотрим. Идем в тир, одевайтесь.

Вместо тира я повел группу на построенный по моим эскизам стрелковый городок с перемежаемыми препятствиями и стенами. По выражениям лиц вижу, что двое действительно знакомы с такими условиями ведения огня, Федоров и Ларкин. Улыбаются в предвкушении преимущества перед товарищами.

– У меня в руке так знакомый вам всем Макаров. А вот еще один. Курсант со славной оружейной фамилией Федоров и... а вот Скворцов пусть подходит. Размещаете оружие так, чтоб не было видно и попрыгали. – На радость, ни у кого из-под курток стволы не посыпались. – Воины, вам задача: по команде достаете оружие и делаете по выстрелу друг в друга. Кто первый нажмет на крючок до щелчка, тот и победил. Но пока обоим по штрафному очку.

– За что, товарищ Милославский?

– Взял в руки оружие, сразу проверил статус. Вы сейчас не знаете, что у вас в руках, заряженный ствол или кусок железа, которым только драться.

– Так вы заряженные не дадите.

– Это с чего?

– По технике безопасности.

– А, ну да. Начали!

Ожидаемо, Федоров отработанным движением извлек Макарова из-под куртки, снял с предохранителя, передернул затвор и не вытягивая рук выстрелил в живот Скворцова. А его товарищ к тому моменту еще только передергивал затвор, поднимая оружие на уровень груди. Немая сцена – Скворцов лежит на земле скрючившись, Федоров стоит столбом, выронив пистолет, а вся остальная группа разезает рты в немом вопросе.

– Вот на такой ерунде становится видно, владеете ли вы оружием, понимаете ли, зачем оно в ваших руках. Вставай Скворцов, нечего валяться на холодной земельке. Или она тебе силушку дает богатырскую?

Морщась от боли, бедолага поднялся, не выпуская из руки изготовленное к бою оружие.

– А вот за это хвалю! Даже раненый, наш товарищ не выпустил из своих рук Макарова. Не то, что Федоров, испугался и бросил свою пукалку.

– Товарищ Милославский, что это было?

– Это был педагогический прием под названием травматический патрон. Ослабленная навеска пороха плюс резиновая пуля. Убить не убьет, но ума добавит всяким идиотам, которые считают, что Жорж Милославский за них будет пещься о технике безопасности при обращении с оружием. В дальнейшем будете на полигоне убивать друг друга такими резинками. И ежели кто не выживет, значит он отсеялся.

– Чего-то крутенько, товарищ Милославский.

– Так не в бирюльки играем, братцы. По всему миру люди умирают, порой наши люди. Лучше, пусть здесь самые тупые отсеются, чем потом важные операции будут гробить.

– А такая методика с кем-то согласована?

– Рекомендую подать докладную на меня в компетентные органы. Выберите из своих товарищей любого и сдайте ему меня. А то сразу мне стуканите, я приму меры. И хорош звать меня товарищем Милославским. А то вдруг я вам не товарищ, или товарищ, но не всем. Зовите просто Жорж. И можно на «ты». Поняли? И смотрите, никаких «так точно»!

– Жорж, а почему ты сказал, что Федоров – славная оружейная фамилия?

– Хм, да уж. Дремучесть и забывчивость. Генерал Федоров – создатель первого серийного автомата. Его оружием еще в шестнадцатом году пытались вооружить Российскую армию.

– Так он Их генерал, царский?

– И наш советский тоже.

– А почему тогда никто ничего не знает про автомат Федорова? Не стрелял?

– Дорог был. Технология того времени не позволяла сделать автомат массовым оружием. Мир не дорос тогда до него. С лекцией по истории закончили. Получаем пистолеты с системами скрытого ношения. Задание на сегодня – извлечение, подготовка к стрельбе, выстрел. Кто в две секунды не уложится, будет бегать кругами. Кто застрелит товарища, будет отчислен. Федоров и Ларкин помогают мне.

– Чего-то совсем этот Милославский охреневший, не находишь?

– Начальству виднее. Если поставили нас учить его, значит так надо.

– А если он в следующий раз гранату в учебном классе бросит?

– Я под стол прыгну, а ты как хочешь. Я смотреть не буду, боевая или учебная.

Что и как преподавали парням на других занятиях, я специально не выяснял. Чем сильнее будет разница между моим предметом и прочими, тем полезнее для курсантов. Я не просто не вписался в преподавательский коллектив, я и не стремился к этому. Возраст мой был категорически неподходящим. Не только биологический, я и психологически давно не чувствовал себя умудренным старцем. Наложение гормонального баланса молодого тела на психотип пожилого мужчины дало странный коктейль, чуть-чуть не дотягивающий до шизофрении. На мой взгляд. Я вполне ощущал себя молодым, но иногда как будто забывал об этом и начинал общаться как поживший человек. А в целом, на подсознательном уровне чувствовал себя скорее тридцатилетним. Хотя... кто из шизофреников диагностирует у себя шизофрению? Пусть начальство волнуется за моё здоровье. А заодно за психическое здоровье моих учеников, потому как я их здоровье не берегу:

– Парни, задание к следующему занятию. Каждый выбирает русскую рок-группу и готовит краткий на пару минут рассказ о ней в ключе – «это самая лучшая группа». Если несколько

человек выберут одну группу, будут рассказывать интересные факты по очереди. Проигравший отжимается.

– Русский рок – фуфло!

– Задание дано. Радуйтесь, что не заставил вас колготки на время надевать в рамках маскировки.

– Товарищ Милославский, ниже пояса бьешь!

– Очень уж приём действенный, этот удар. Так почему от него отказываться? Растите над собой, короче.

Глава 2. Огневая подготовка

Поскольку все курсанты живут в общежитии, им не составит труда распределить между собой звезд советской рок-сцены. А групп к концу 87-го у нас развелось столько, что мама, не горюй! Перестройку не объявили, кооперативы не разрешили, а в обществе всё равно, как и в известном мне варианте истории брожение и потребность в переменах. Историю так просто не повернешь, одним нажатием на бабочку не обойтись. Все эти Алисы, Ронды, Аквариумы и Рок-острова с Кином собрались и заявили о себе в то же примерно время, что и в то другое. А я не против, пусть будут. Мир не стоит на месте, молодежи теперь нужны не ВИА, а группы. Одно удивляет всегда – почему брутальные мужественные суровые рокеры во всем мире и у нас поют фальцетом как не-скажу-кто? Где шляпинский бас, я вас спрашиваю?

Но как же задолбало кататься на службу, а потом домой из Балашихи каждый день на общественном транспорте. На электричке с Курского вокзала сорок минут, и до Курского час. А так бы на своей машине по полупустой Москве сорок километров за полчаса с ветерком. Вот только служебный автомобиль мне не положен, а на собственный денег нет. Все накопления вгрозил в отделку квартиры. Разве что у родителей попросить или ограбить кого. В хороших и добрых книжках попаданцы шли напрямик в ОЗК, то есть Общество Защиты Композиторов он наглых похитителей интеллектуальной собственности, или как там оно называется, и регистрировали ворованные песенки. А мне ветром в голову надуло всего один мотивчик: «Ту-ту-ла, ту-ту-ту-ту, Ту-ту-ла!», вряд ли его дорого купят. Да и стремно как-то воровать у людей. Разве что барыг каких-нибудь ограбить, но я курсе, многие оборотни так начинали. А потом скатывались в классический бандитизм. Нет, не наш метод. И вообще, прикинул я, приезжаю такой на новой Волге или Жигулях на службу и лихорадочно ищу ответ на вопрос: «А на какие такие доходы, молодой человек, у вас личное авто?» Придется врать, что на срочке не курил, и всё жалование откладывал на покупку машины. С другой стороны, родители же могли накопить. Ладно, пока молодой, покатаюсь на метро.

– Ну что, коллеги, нарыли инфу по нашим советским рок-группам?

– Жорж, там ничего советского нет ни в текстах, ни в музыкантах. Дерьмо голимое, перемен требуют, мол время менять имена. Им бы на заводе поработать, лбам здоровым, а не хренью страдать.

– Павел, а ты на заводе работал?

– Нет, я после армии сразу в Органы пошел.

– То есть такой же бездельник. Кто еще считает, что все, кто не работает на заводе, тунецы и антисоветчики?

– А что не так? Павел не прав?

– Антисоветчик тот, кто хочет перемен? Кому хочется что-то изменить в этом мире и в нашей стране? Я правильно понял? Все реформы от лукавого или только инициатива снизу?

– Не так. Мы говорим про тех, кто против советского строя.

– Ага. Теперь гораздо понятнее стало. Наш товарищ Иванюк знает таких людей, но ничего не сделал, чтобы пресечь их подрывную деятельность. Я думаю, что ты, Иванюк, сам пособник врагов Родины.

– Товарищ Милославский, не передергивайте! Видно же, кому не нравится советская власть. Просто они молчат и выжидают. Но выдают себя поведением, одеждой. Пьянствуют, распутничают.

– Иванюк, вы тоже на заводе не работали. Иначе бы знали, что пьянство там тоже имеет место. Да и критика политики СССР на заводах звучит гораздо чаще и жестче. У них знания о жизни фундаментальные, они нашу с вами действительность под ногтями носят. Пойдем на заводы, там массовые аресты произведем?

– Чего ты, Жорж, на нас взъелся? Тебе твои рокеры дороже рабочих?

– Наша с вами обязанность защищать страну, в том числе алкашей рабочих и алкашей рокеров. Не они для нас, а мы для них. Рабочий без вас проживет, вы без него с голода сдохнете. Кстати, музыканты во все времена при любой власти кусок хлеба имели. А эти наши советские антисоветчики... Федорова со Скворцовым никто сейчас не знает, и потом никто не вспомнит, я очень надеюсь на это. А вот «Аделаиду» Гребенщикова будут помнить многие годы. И слава Озирису.

По лицам курсантов было видно, о чем они думают. Фраза «Чудит препод» была буквально выбита на сократовских лобиках молодых безопасников. Придется объяснять.

– Кто смотрел «Место встречи изменить нельзя», поднимите руки. Ну я и не сомневался. Вопрос – что покорило сильнее всего в фильме?

– Внедрение в банду! Фигня это всё, не могли в первой серии послать опера вместо урки. И Шарапова бы раскусили, никакой он не фраер.

– В точку, парни. Ни один самый замечательный разведчик и актер не впишется в чужую тусовку, если он в ней не свой. НО! Среди слесарей можно сойти за врача, среди летчиков за гопника, среди рокеров за слесаря. Не пытайся быть своим, попробуй быть нейтральным. Понятен смысл?

– Понятно! Мы должны уловить особенности поведения основных групп населения.

– Верно, мальчики. Задание ко следующему занятию – перед зеркалом примерять на себя осанку и выражение лиц разных социальных групп.

Собравшиеся покурить на крыльце учебного корпуса после занятий курсанты никуда не спешили, жили рядышком, с досугом облом, куда бежать-то?

– Вон, смотрите, наш Милославский домой почапал. Небось к жене торопится супружеский долг отнести, пока по пути не расплескал.

– Да куда ему, молодой еще. Небось только после института какого-нибудь.

– Не знаю, кто бы молодого поставил на преподавательскую работу. Может, только выглядит молодой. Какая-нибудь пластическая операция по изменению возраста.

– Хорош гнать, он же не диктор Татьяна Виденева. Просто сынок чей-то вот и ведет себя как бессмертный. Кто-нибудь узнал, что про него слышно?

– Я слышал кое-что. Он новые виды спорта развивал по линии комсомола. Историческое фехтование и практическую стрельбу. Причем чуть ли не с нуля.

– Практическую стрельбу КГБ продвигает.

– А он не в КГБ? Ты его на занятиях по огневой подготовке видел? Он нам две секунды норматив на изготовку ставит, сам в одну укладывается. И стреляет быстро.

– И что? Если бы все десятки выбивал. Еще и оправдывается, типа мне не нужны ваши десятки, мне нужно, чтоб вы выжили в огневом контакте. А сам небось...

– Договаривай. Что небось?

– Да хрен его знает.

– Начальству виднее, кого на преподавательскую работу определять. Я думаю, он бывший нелегал засвеченный. Поэтому и пластика на лице. А глаза как у Терминатора. А может, он вообще робот? Какая-нибудь секретная оборонная разработка.

– Ха! Договорились до фантастики. А давайте его прошушаем на следующей стрелковке.

Потихоньку мои хотелки руководство начало воплощать в жизнь. Предполагаю, что в некоторых моментах заведенный порядок был поставлен с ног на голову, и кого-то это даже травмировало морально, но так и надо. Не зная порядков, легче их нарушать. Нарушая правила легче наткнуться на что-то новое. Со школы помню – на территории лагеря невозможно найти ничего интересного, все открытия за его забором. Включая осыпавшиеся землянки партизан и разбитый эшелон со снарядами, рассыпавший свой груз.

Я не просил ничего жутко редкого или крупнокалиберного. Наоборот, только самые распространенные в мире образцы гражданского короткоствола и того, что на вооружении полиции и армий вероятного противника. С нашим оружием они уже наигрались. Хотя, и все наши ходовые модели присутствовали в арсенале. В мои загребушие лапки из зарубежных моделей попали такие старички как «Кольт 1911», Люгер, он же Парабеллум, «Браунинг Хай Пауэр». Из тех, что поновее, а сказать по правде, самое-разсамое новье в этой эпохе – Беретта и Глок, за что отдельное спасибо руководству. Из экзотики мне попался советский деринджер «Гроза» – двухствольный и бесшумный малыш.

В свободное от преподавания время я сам потихоньку жег патроны, благо почти все импортные стволы были под стандартный девятимиллиметровый люгеровский патрон, кроме Кольта. А с нашими патронами вообще проблем быть не должно, как я понимаю. В мастерской при тире часть патронов перекрутил под уменьшенную навеску и резиновые пули. С самозарядными пистолетами ничего не вышло, уменьшенная навеска не давала гарантии безотказной перезарядки. Так что под резинки шли патроны к Нагану. Пули, а точнее просто столбики мне где-то нарубили из литой резины типа той, из которой делают хоккейные шайбы. Начальник школы предлагал и ослабленные патроны снарядить на заводе, но я отказался. Не настолько я доверяю нашей оборонной промышленности, чтоб позволять стрелять в себя чужим патроном. Лучше я сам.

Слышали бы вы, как ругался начальник тира, когда я объяснил фишку с резинострелом. Я и идиот, и косорукий, и стволы засру, и контингент поубиваю... И вообще, не понравилось ему, что в его епархию вторгся чужак с правом устраивать всё, что ему заблагорассудится. Чуть смягчился только тогда, когда в тире прописались иностранные машинки – наш человек оказался, а не просто старый крикун. Я так понимаю, он себе ништяков нарубит, когда начнет давать нужным людям возможность пострелять из заморских аппаратов. И тут ему без меня никуда – под мои художества выделен отдельный сейф под моей печатью. Ерунда, конечно. И вскрыть можно, и пластилиновый оттиск вернуть на место. Но сам принцип важен, доступ к моему оружию только через меня. На этой почве мы начали ладить, маньяк маньяка видит издали. Еще бы Васильича переучить стрелять, а то вцепился в свою дуэльную стойку как Пушкин под Полтавой. Ну да, всем он майор Карпов, а мне Васильич.

Чего-то парни задумали, вижу по внимательным и одухотворенным лицам, с которыми они внимали моим объяснениям. Понятно, сейчас начнут подлянку строить или на блуд разводиться.

– Жорж, а вы только с оружием чего-то можете или без него тоже чего-то стоите?

– Как сказать. Главное оружие у нас в голове, разум есть главная опасность для противника. Хотя некоторые товарищи безоружными всю жизнь ходят, и ничего. Я как-то тренировал пятерку армейских самбистов, они вот тоже меня решили на слабо проверить. Как вы сейчас.

– И что?

– Пообещал, что всех их за пару секунд положу. Не по одному, а всех разом.

– И как?

– Скомандовал «Упор лежа принять!», все и легли разом. Дисциплина – страшная сила.

– Так не считается, так любой сможет.

– Моя задача дать вам именно это понимание, чтоб любой из вас смог сначала научиться думать и смотреть по сторонам, а потом находить решения, неожиданные для противника. – Открытым текстом уже говорю, чего от офицеров хочу. Теперь наверняка поймут. Вопрос другой, есть ли в голове то самое оружие...

– Товарищ Милославский, вот сейчас вы что можете применить ну например против меня, я КМС по боксу. – Царьков вышел вперед.

– Сейчас, Царьков, я могу прострелить вам колено, и ваша атака закончится, не начавшись.

- У вас нет оружия.
- А так? – в моей руке материализовался двухствольный малыш, пистолет последнего шанса – стрелять?
- Не надо. Убедили.
- Внимание, товарищи. Такие пистолетики распространены в штатах, их называют деринджеры по самой известной марке этого типа оружия. Кстати, из неё застрелили президента Авраама Линкольна. А перед вами советская модель со смешным названием «Гроза», её вы у врага не встретите.
- А что тут смешного?
- Это бесшумный пистолет под специальный боеприпас. Вообще, кто-то пользовался пистолетами с приборами бесшумной стрельбы? Ну тогда сообщаю, они все не делают выстрел реально бесшумным. А вот тут да, тут звук выстрела отсутствует в принципе, слышно только удар бойка по капсюлю. Спасибо нашим инженерам.
- Да уж, неожиданно. А попробовать выстрелить можно?
- Угу. И в парней не стреляй, вон в мишень лупи. Дай, только патроны на боевые смену. Мне колено Царькова жалко, я хотел в него резиновой пулей попасть.
- Так всё равно больно.
- Больно, зато полезно. Боль помогает запоминать свои ошибки. Вот так откидываем блок стволов как у ружья, меняем обойму, этой скобой взводим ударник. И вот так стреляем. Дальше десяти метров стрелять не рекомендуется. Сами слышали, звук выстрела отсутствует.
- А почему двухзарядный? Если первый промажешь или на случай осечки?
- Для контроля. Поразил цель, обязательно проконтролируй в голову. А то всякие случаи бывают. А сейчас отработываем перемещение по зданию, занятому противником.
- Жорж, а сейчас, когда вы без своего деринджера, можете мне что-то противопоставить? – опять подскочил Царьков. Добить что ли, чтоб не мучился от собственной беспомощности.
- Не вопрос. Но будет очень больно, я драться не умею.
- Делаю шаг в его сторону. Вся группа подалась назад, освобождая место для представления. Кистень, выпавший из рукава в мою руку, не остался незамеченным.
- Так не честно, у него кистень!
- А кто-то обещал честную схватку? Полмира против нас, не ждите ни чести, ни милосердия. Нас будут убивать до последнего бойца. Нашего или противника.
- Так вторые полмира за нас.
- Ошибка. Вторые полмира сосут из нас соки, а стоит покачнуться, тоже вцепятся в глотку. Один из правителей нашей страны сказал, что у нас только два союзника – армия и флот. Запомните и действуйте, исходя из этого факта.
- Васильич любил смотреть, как я гоняю курсантов по городку, он явно и сам когда-то участвовал в силовых операциях. Но я не лез к нему с расспросами, в органах такие вещи не приветствуются. И откровенничать было не принято тоже. Болтун находка для врага.
- Жора, а тебе их совсем не жалко? То с патронами пистолет подсунешь, то с резинками, то пустой. До беды недалеко.
- Всё верно, я им вбиваю в головы – беда рядом, они выбрали такую профессию. А не хотят по краю ходить, пусть в школу идут НВП преподавать.
- Ну а ежели впрямь несчастный случай с кем, тьфу-тьфу?
- Спишем, Васильич, но сначала всем курсантам покажем тело в воспитательно-педагогических целях.
- Это где ж такую педагогику преподают? В институте имени Крупской?

– Опыт сын ошибок трудных в ухо шепчет. Говорит, времени почти не осталось. – Василич небось докладывает о моих инновациях, ну и пусть – служба у нас такая, что все про всё всем постукивают.

– Народ, отдыхаем! Федорову с Ларкиным спасибо за помощь, с вами быстрее получается. Кто не курит, можете задавать вопросы, обещаю не стрелять по коленям.

– Товарищ Милославский, а чем вам так не нравится стрелковая подготовка в Комитете? Вы через раз ругаетесь, что все вокруг косорукие.

– Вот прикинь, выходит вроде опытный оперативник с таким хорошим стажем на задержание салабона-срочника, как он считает. И от этой своей крутости или большого ума не снимает пистолет с предохранителя. Или на напарника надеется, что еще хуже. О какой подготовке может идти речь? В результате оба ловят по пуле в живот.

– И что, выжили?

– Какое там! Обоих добил. Это как раз к вопросу о выборе оружия. Вроде старье, Наган еще даже не довоенного выпуска, а царский. А точку ставит как молодой. И раз уж вы не курите, кто скажет, в чем преимущество Нагана перед Макаровым?

– Безотказный. Легче.

– Молодцы, еще?

– Если взвести курок, точность выше.

– Главное, парни, он сразу готов к бою. Лежит за пазухой или за поясом и ждет. Одной рукой вынул и сразу шамальнул. И еще нюанс, гильзами не сорит.

– Макаров всё равно лучше!

– Чем лучше?

– Чем Наган.

– Братцы, запоминайте – самое лучшее оружие то, которое оказалось в руках во время боя. Какой бы ни был замечательный ствол, если его у тебя нет, то и пользы от него никакой.

– А вообще, какой самый лучший пистолет для боя?

– Никакой. Пистолет не предназначен для огневого контакта.

– Как так? Вы же только что рассказывали вот это всё!

– Если вы планируете огневой контакт или тем более идете в бой, нужно готовить нормальное оружие. Автомат, винтовку, гранаты. Пулеметчик не помешает в группе. А пистолет, он хорошо тогда, когда всё спокойно, и ничто не предвещает ужасных трагических событий типа стрельбы.

– Но Макаров же отличный пистолет – вот неугомонные люди порой попадаются.

– Да, отличный. А без патронов и не сильно тяжелый. Макаров хорош как ритуальное оружие, как кортик. Вообще сказка. Безотказный, замыленный корпус, даже попасть с десяти метров в цель не проблема. Одна беда – маломощный патрон. Чуть ли не самый слабый среди девяток. А всё для того, чтоб автоматику сделать проще, чтоб безотказность повысить.

– И что, мощности не хватает для чего-то?

– Против бронежилета патрон девять на восемнадцать уже не пляшет. В голову из пистолета стреляют только в кино. А в жизни все лупят в корпус, чтоб не промазать и в живых остаться. Так что если противник в броне, то результат удручающий для того, кто стреляет из Макарова. На следующем занятии попробуем иностранные модели, чтоб вы могли оценить их и познакомиться тактично.

– О, здорово!

Мне кажется, что за мои занятия с курсантами по огневой подготовке они простили мне выворот мозгов на уроках по моделям поведения. Простые люди, парни не замечают, что и там, и там я продолжаю крутить им мозги в нужную сторону. Весь смысл этих курсов – научить оперативников думать нестандартно, смотреть под другим углом, действовать неожиданно. А уж когда я им пообещал тактическую игру... К тому времени были готовы и отстреляны стальные

шлемы с мощными лицевыми пластинами из оргстекла и телогрейки с усилением полочек из литой резины для защиты груди и ливера. Кто не знает – полочками портные называют передние детали одежды. Народ увидел, всё понял и воодушевился. Правда, один товарищ написал рапорт и был отчислен из группы, скатертью дорога.

Глава 3. В упор из нагана

Восемь команд по два человека были готовы месить сугробы и стрелять в своих товарищей из Наганов. Честное слово, как дети малые! Тот свинтивший тип мне здорово помог, курсантов теперь шестнадцать, не пришлось вставать в пару с кем-то. Практические стрелки были сведены в одну команду и по лицам их читалось – всех уделаем. Как знать, сейчас на них сильно осерчали временные соратники, попытаются вынести со всей пролетарской ненавистью.

– Парни, всё просто. Семь патронов в барабане, семь в кармашке. Попадание в любую часть тела означает выбывание, давайте по-честному признавать попадания, чтоб я после боя вас не раздевал на морозе догола, выскивая синяки. Угу? Победа – уничтожение всей команды. Воюем на выбывание по олимпийской схеме. Команда победителей в качестве награды выходит против меня.

– Ураааа!

– Вопросы есть?

– Время боя ограничено?

– Да хоть замерзните в снегу, мне не жалко. Новых пришлют, если что. Первая пара команд – на исходные рубежи!

Полигон слегка напоминал пейнтбольный, но без имитации военной техники на площадке. Наоборот, сплошь элементы гражданской жизни: забор, ларьки, лавочки, урны, дорожки, очищенные от снега. В одном месте старый грузовичок, в другом бочка ассенизатора, которые мне выделило начальство под честное слово не расстрелять и не сжечь. Четырнадцать патронов не позволяют прижать противника интенсивным огнем, скорострельность у Нагана тоже никакая, так что тактику бойцы демонстрируют совсем не пейнтбольную. В первой сходке одна группа выбрала тактику работы двойкой, прикрывая друг друга и контролируя секторы обзора. Хорошая тактика. Вторая группа разошлась в стороны, беря противника в клещи. Тактика не хуже. Лучшая тактика у меня – я стою на наблюдательной вышке и почти всегда всех вижу. Вышка – это громко сказано, но четыре метра лучше, чем ничего. Главное, чтоб курсанты её не завалили от полноты чувств.

Короткоствол предполагает бой на коротке без снайперских засад и возможности прикрыть атакующего товарища из укрытия прицельным огнем. То есть попытаться можно, но результат не порадует. Боестолкновение закончилось одной короткой перестрелкой: сидящих за машиной героев вычислили и обошли. Один герой выскочил и начал стрелять, сам словив сразу три попадания, зато его товарищ расстрелял в спину обоих ждунов.

Остальные курсанты наблюдали за схваткой со стороны, им было видно не так здорово как мне, но кое-что они видели и могли делать выводы. Молча, разговаривать я запретил. В итоге все схватки стали вариациями двух тактик – кто-то разбежался, кто-то работал в группе. С удивлением парни увидели, что, если не ловить ворон и прикрывать направления, у пары шансов больше. Во всяком случае, чаще побеждали именно работающие парой. Кстати, в процессе сходов выявил случай игнорирования бойцом попадания, остановил бой и накосячившая группа побежала вокруг полигона – для того и нужен контроль со стороны организатора.

После первого тура мною был объявлен перерыв на отдых, перекур и обсуждение сходов. Внезапно рядом со мной обнаружился начальник КУОС, полковник Голов – крупный мужчина возрастом под полтинник с рубленными чертами лица и мощной аурой воина и командира, ощущавшейся так же отчетливо, как тепло от печки. Похоже, он не только что подошел, а уже давно наблюдал нашу развлекуху.

– Здравия желаю, Сергей Александрович! Не заметил сразу.

– Здорово, Милославский! Какой тогда из тебя разведчик, если подкрадывающееся начальство не смог заметить.

– Ну, во-первых, я не разведчик, а погулять вышел.

– А во-вторых?

– Если начальство желает подкрасться незаметно, обнаруживать его раньше времени не рекомендуется, дабы не привести в гневные чувства.

– Рассмешил, языкастый. Не боишься, что покалечатся?

– Если без шлемов бегать не начнут, то максимум – синяки и гематомы. В капстаранах так демонстрации разгоняют, вроде никого не убили еще. Ну или нам не докладывают. Зато тренажер хороший, позволяет курсантам на своей шкуре испытать, каково это, когда или ты или тебя.

– Сам-то испытывал на своей шкуре или только учишь? Ладно, не отвечай. По глазам вижу, что поучаствовал где-то. Патронами поделишься?

– Есть чуток резинок под наган, сам кручу. А под самозарядки не пошло, штатные образцы не перезаряжаются на ослабленной навеске. А пилить оружие на коленке... не. Да и оно потом уже никогда под боевые патроны не пойдет.

– Знаю, мне Карпов докладывал про твои эксперименты. Я, пожалуй, перейму твой опыт. Не возражаешь?

– С чего бы? Одно дело делаем.

– Верно сказал. Калашникова под резинки сложно переделать будет?

– Легче легкого, газоотводное отверстие рассверлить, чтоб отбор газов из ствола на поршень увеличить. Диаметр, конечно, подобрать надо и навеску экспериментальным путем. Ну и понимать, что больше чем на сотню метров прицельно такой резинострел вряд ли будет лупить. Да и не надо дальше, с другой стороны.

– Это почему ты так считаешь?

– В ближнем бою времени целиться нет, бей короткими в силуэт, вдруг попадешь.

– Хм, ну где-то так порой бывает... Ладно, будем взаимодействовать, раз наверху так решили. Оказывается, в вашей Двойке тоже грамотные люди встречаются.

– Так точно, только строим не ходят!

Когда что-то должно случиться, оно непременно случается. Это я к тому, что наступила моя очередь идти на расстрел. Победили внезапно для всех, а в первую очередь для себя, не Федоров с Ларкиным, а простые советские парни, каких полно в каждой подворотне. Шучу. Боксер Царьков вероятнее всего имел такую сильную мотивацию, что вытянул их с Кузнецовым пару на первое место. Очень уже ему хотелось посчитаться за шутку с деринджером и кистенем. Наивный такой, буду я с ними по правилам играть.

Задумка была хорошая – зажать меня в углу, дожждаться, когда я отстреляю весь барабан, подбежать и всадить в упор по пуле из каждого ствола. Перезарядка у Нагана такая муторная кака, что просто ужас. Особенно, если гильзы застревают из-за подутия после выстрела, и их требуется выталкивать штоком. С малой травматической навеской такой проблемы нет, выпадают сами, но всё равно не быстрый процесс: сначала вращать барабан, чтоб гильзы по одной вывалились вниз, потом также по одной их пихать в каморы. Один момент, у меня был второй заряженный револьвер.

Когда трупы начали возмущенно взывать к справедливости, я приглашающе махнул рукой и дождался всех курсантов.

– Братцы, тут меня обвиняют в нечестности. Прошу прилюдно огласить, какое условие сходки я нарушил, кроме заранее оговоренного момента, что буду один?

– Вы не сказали, что у вас два револьвера!

– А вы спрашивали? И еще момент, у вас тоже два револьвера.

– Мы думали, что вы уйдете на перезарядку.

– Отлично сказано! Вы построили свою тактику на предположении и не угадали. В этот раз смерть была игровая, в следующий может не повезти. Помните, я рассказывал про опера-

тивника, который шел на задержание с Макаровым на предохранителе? Самое забавное, что у его противника был не только Наган, а еще и автомат. Представляете, насколько бы он удивился, если бы его с напарником приложили очередь? Коллеги, к чему я веду свою речь?

– Что надо реально оценивать противника и всегда ждать подлянку от него, как от вас.

– В точку! А ведь бывают люди еще хуже меня.

– Да куда уж хуже?

– Хуже, когда контроль проводят не в голову, а в задницу. А потом говорят, что промахнулись, и снова делают контроль.

– Страсти какие. Я на такое не записывался.

– Парни, никто не замерз? Тогда следующий вопрос – ради чего мы устроили пострелушки? Думаем и говорим вслух.

– Чтоб ощутили, каково оказаться в бою. Для выработки навыков. Чтоб в паре научились воевать.

– Всё правильно, но всё вторично. Главная мысль занятий – в огневом контакте всегда есть элемент случайности или везения. Самого матерого спеца может завалить случайный человек из древнего карамультука. В идеале не должно быть никакого огневого контакта. Вы подошли сзади и в спину застрелили противника. Или противник хотел напасть на вас, но не нашел. Зато наткнулся на растяжку. То есть грамотный оперативник создает ситуацию, в которой в него не выстрелят вообще. Говорят, а Сергея Пальча Королева было такое правило – я не возьму на работу инженера, который забивает гвозди микроскопом. Но и того, кто не сумеет при нужде забить микроскопом гвоздь, я тоже не возьму. Так и вы – должны в совершенстве владеть оружием, но не доводить до его применения. На сегодня всё!

Новогодние выходные выдались на загляденье, аж три дня подряд. Так бы по-хорошему надо поехать навестить родителей, но четыре часа на дорогу ежедневно буквально растерзали мои благие намерения. Я так замучался кататься туда-сюда словно челнок в швейной машинке «Зингер», что выпросил комнату в общежитии для курсантов, формально в гостинице, и ночевал там. Знакомые голоса из коридора и звон гитарных струн, не сходить ли к своим, не поучаствовать в досуге... А из открытой двери комнаты неслось на мотив известной и когда-то популярной песенки:

«В нашем мире появился
Великанский людоед.
Собирает нас горстями,
Жрет без счета на обед!

Мы всё думали, старались
Великана извести,
Но ему попался Жора –
Сдох гигант после шести!
(И сразу припев)
Море, а на море суша.

А на суше пальма,
А на пальме плод!»

– Ну чего, нормальная песня вышла, парни. Песен про меня еще не пели, хвалю!

– Жорж, без обид, мы отдыхаем.

– Народ, да ни разу не в обиде. Сам творчество люблю во всех его проявлениях, если не туфта, конечно. Частушки – это вообще святое.

– Может и сами, того. Сыграете, споёте.

– Парни, я играть начал недавно, и сразу плохо. Не моё это, видимо. Тренькаю потихоньку, потому что звук нравится.

– Да ладно прибуднаться, Жорж! Ведь наверняка в кармане запасная гитара, а в рукаве кистень.

– Про кистень угадал. Выручал не раз, грех бросать такого друга. Ладно, давайте свою гитару, но я вас предупреждал.

Самолично подобранные аккорды под самописное стихотворение, которое просило музыки. С некоторыми стишатами так бывает – ноют и ноют, мол нас петь надо. С душой и негромко. Вот и пришлось начинать на старости лет, коих почти двадцать в этом мире.

Взгляд хищника, точно сканер,

Считает штрих-код с ее бока.

Ах зебра, зачем ты только

Отбилась вчера от стада?

На празднике нашей жизни

Любой покупатель молод,

Нас дразнит азарт и голод –

Попробуй-ка не зависни...

И зебра, что шла покушать,

Попала на завтрак к львице,

И можно опять резвиться,

Мир снова добрей и лучше.

Кайфующее семейство,

Сплошной позитив и юмор.

Смотри на него и смейся,

А зебру забудь, не думай.

– Серьезная песня, философская. Окуджава?

– Скорее Визбор. Жорж, это Визбор?

– Это Милославский.

– Ну ничего себе! Профессор, да вы полны талантов.

– Хорошо подкалывать преподавателя. Лучше, пусть он слова продиктует, аккорды я помню. Можно, Жорж?

– Да валяйте. Мне не жалко, я еще придумаю, если надо будет.

– Жорж, а на самом деле, что вы думаете о русской рок-музыке в нерабочее время? Ту же ДДТ взять.

– ДДТ? Да, талантливые вещицы проскакивают. Например их старая песня «Не стреляй!» – шикарно получилось, так и хочется подпевать. Но есть нюанс – страна, в которой такая песня популярна, долго не продержится. В нашем мире нельзя не стрелять, сразу или на колени поставят, или пристрелят. А то и сразу оба варианта – поставят на колени и пулю в затылок. Солдат должен быть готовым стрелять в кого угодно, если будет приказ.

– А если в родных?

– Тогда пусть стреляет в командира. Ибо не нужен такой хреновый командир, который не учел регион проживания своих солдат. Страна большая, варианты есть.

Тут весело, оказывается. Я думал, курсанты по вечерам раны зализывают и силы восстанавливают, а тут вечера творчества. И что интересно, безалкогольные. С дисциплиной в учебном центре строго, за свои погоны люди держатся. Ну и за жалование с приварком, конечно. Хорошо платят в комитете, жаловаться грех. Но в том моём будущем у меня лично было лучше. Во всяком случае, с полочки поджопник купить при желании мог, но не хотел. А сейчас хочу, но не на что. Триста пятьдесят по местным меркам хорошо, но даже на мотоцикл не хватит. А «Минск», тем более тертый, не мотоцикл. Да и по зиме на двух колесах – извините, предпочту пулю в лоб, надежнее и героичнее.

Ситуация с женским полом самая что ни есть естественная. Опыт, харизма, уверенность пожившего дядьки, помноженная на тело молодого богатыря в модной упаковке с добавлением собственной квартиры в Москве дали сногшибательный коктейль. Вдруг вспомнил компьютерную игру «Диабло» из недалекого будущего – в девяносто восьмом играл, через десять лет издадут. Когда прошел её всю, оказалось, что с тем же раскачанным персонажем я опять могу идти по локациям, начиная с первого уровня. Гулял по подземельям шутки ради и сначала бил скелетов кулаком, а потом просто шел: скелеты и так гибли пачками, сталкиваясь с моей умопомрачительной крутостью. Вот и с девушками у меня так, то бишь у них ни одного шанса как у тех скелетиков. Персонаж Леонида Филатова из фильма «Экипаж» на моем фоне смотрится как пятиклассник на дискотеке в городском парке. Это меня не огорчает, не радует, это данность.

Но изюминки не хватает. С другой стороны, встречающиеся среди людей девушки с изюминкой на поверку чаще оказываются девушками с придурью на всю голову. Так что не ищем экзотики и проблем на свою голову, равно как и букета на свою головку. И уж конечно никаких экспериментов в духе Плейбоя типа двух девушек в моей постели. Соврал. Не удержался однажды, просто не смог выбрать между двумя томными феминами, одновременно атакованный обеими. А у них, вероятно, уже соревнование пошло, кого я выберу... ну и вышло что вышло. Сказать, что потом мне было очень стыдно – это ничего не сказать. Потому как стыдно не было совершенно. Даже мысль клюнула в башку – классические попаданцы из книжек такие бонусы получают в первом же томе, а ты лошара дошел до сладкого только в черновике к пятому. Да к тому же автор его дописывать не собирается. Неправильный ты попаданец, Жорж, смирись и не грусти. Ишь, романтики ему захотелось, бескорыстной любви. Пойми, друг, не ты всем этим девушкам нужен, а крутость твоя неизбывная и красота. Вот будь ты пентюхом, и ни одна не скинется на твой богатый внутренний мир.

Глава 4. Мастер-класс

Раз не надо тратить по четыре часа в день на дорогу, это же время можно зачесть в свободное. А свободное время надо занимать. Досуг, секс, самосовершенствование, какой вариант бы выбрать в условиях КОУС? Вариантов нашлось одна штука. И где-то я это уже видел, когда-то этим занимался. То есть практически всю свою вторую жизнь. С разрешения руководства Курсов в мою комнату была привезена спортивная снаряга, вечера перестали быть томными. Несколько тренировок соло, а дальше по обычному шаблону: «О, круто! Историческое фехтование, видел. А что, так можно? Всерьез этими железяками по башке друг друга? Монстры! Ненормальные! А с нами позанимайтесь?»

Так что после занятий по расписанию у нашей группы теперь факультатив по истфеху, нулевой уровень. Естественно, не все занимаются, но большинство. Руководство Курсов не просто разрешило, еще и помогло кое-каким инвентарем, того же Болвана соорудили по моему эскизу, черенки подогнали в немалом количестве. А потом пришел сам полковник Голов:

– Милославский, а моих ты мог бы так погонять?

– Сергей Александрович, им зачем? Вы их и так гоняете за пределами. Да и в рукопашке они у вас собаку съели, шакалом закусали. Я своих по желанию гоняю, чтоб мозги разгрузить немного.

– Ты знаешь, ведь не бывает лишних знаний и навыков, тем более, если багаж не тянет.

– Осмелюсь возразить. Если вы закладываете своим курсантам что-то в багаж, неизбежно чего-то там уже не окажется. Времени на обучение не хватит или сил. Опять же, возник у человека интерес, всё: он что-то другое уже не так охотно воспринимает.

– Тоже верно. И что, совсем ничего полезного в твоём спорте нет? – а сам щурится с хитринкой, что твой Ленин.

– Пожалуй, доспех мои настоящие ученики носят лучше, чем ваши броник. Предметами всякими махают тоже ловчей. И всё. Стоит ли терять столько времени ради пары умений? Тем более, что бронезилеты нормальные наверняка уже где-то у нас разрабатывают, Афганистан показал, что без них плохо, но и это не то.

– А как ты видишь нормальный бронезилет?

– Во-первых, он должен быть настраиваемый. Кевларовый жилет от легких осколков с карманами под усиливающие пластины из титанового сплава. Чтоб экипировать жилет в зависимости от поставленных задач.

– Хорошо говоришь, дальше давай.

– А во-вторых, прямо сейчас можно делать съёмные или несъёмные наколенники и налокотники. Упасть на любую поверхность с ними можно минимум на полсекунды быстрее, а потом действовать эффективнее. Ползти по любой поверхности, не обращая внимания на стекло, камни, кишки, вести огонь с колен и с локтей.

– Прямо сказку какую-то рассказываешь.

– Волейболисты используют мягкие наколенники. Давайте смастырим из ткани и резины что-нибудь подобное и погоняем ваших курсантов по бетону. А потом результаты хронометража и стрельбы посмотрим, отзывы послушаем. Вдруг я не прав? Лучше сразу оба варианта – вшивной и съёмный на липучке. Липучку найдете?

– Пошли, рисовать будешь, изобретатель ты наш. Заодно посмотришь, как мы по твоей задумке автомат изуродовали.

– Стреляет?

– Стреляет. И перезаряжается. Но сердце кровью истекало, когда боевое оружие в игрушку превращали.

– Сергей Александрович, вспомните тысячи Калашниковых в военных кабинетах школ и не грустите. Оружие должно служить защите страны, не важно, как оно этому служит.

– А ведь хорошо сказал, Жора. Давай на «ты»?

– Всегда пожалуйста. – мне вообще нетрудно, он моложе меня лет на десять по сути.

Мало мне своих было, теперь и настоящие КУОСовские курсанты тоже не чужие мне. Нарисовать эскизы наколенников и налокотников недолго. Постоять над душой у мастера из службы обеспечения и добиться совместно с ним нужной жесткости накладок тоже было несложно. Равно как и поучаствовать в тестировании экипировки, слава Шиве, в качестве эксперта на этот раз. Результаты были. И чем хуже делалось покрытие полигона, сначала бетонное, а потом с элементами садо-мазохизма, тем явственнее.

– Жорж, жму руку! Я даже больше тебе скажу: от лица Курсов объявляю вам благодарность за такое полезное изобретение.

– Служу Советскому Союзу! Но на целое изобретение не потянет, так, доработка небольшая. Но да, удобная.

– Не скромничай, курсанты высоко оценили преимущество твоих накладок, особенно наколенники помогают. И еще – у нас по вашему примеру намечаются практические занятия с резинострелом, посмотришь? Мы твою защиту скопировали. Может даже поучаствовать захочешь?

– Я? Против ваших волкодавов? Неее, ни в жизнь. Я только против своих пёсиков, и то в воспитательных целях, чтоб ума прибавить. Опять же, у вас их много, а я один.

– Жорж, ты что, думал, я тебя против целой команды выставлю? Всё по-честному, трое на трое.

– Против троих ладно, против троих попробовать можно.

– Ты серьезно или пошутил?

– А давай попробуем, Сергей Александрович, только не на полигоне, а на складе. Он большой, опять же резинками мы вам там ничего не побьем, там же даже окошки малюсенькие и под потолком.

– Милославский, тебя за язык никто не тянул.

Вроде я на самоубийство подписался, но я так не думаю. Опыт работы накоротке в быстром темпе именно с автоматом имеется, хоть и не в этом теле. Зато это тело хорошо прокачено в плане управляемости, и зрение не село еще. Опять же я не думаю, что курсанты Голова так заточены бод ближний бой. Я прикинул, тут стараются или бить точно издали, или в рукопашную натаскивают своих волкодавов. Эх парни, зачем вам ножи и приемы самбо, когда у противника в руках будет Хеклер-Кох и Узи с неприличным боекомплектом?

Я не стал снайпером ни в том времени, ни в этом. Зато в силуэт попадаю почти не целясь, то есть одиночными с интервалом в полсекунды или короткими очередями с интервалом в секундочку. Что ж, посмотрим, как подготовка в этом плане бытия пляшет против дилетанта двадцать первого века, возвращенного на пейнтболе, практической стрельбе и многих, многих сотнях отстрелянных патронов.

– Товарищи курсанты, сегодня против вашей команды будет выступать один из наших преподавателей. В том смысле, что он будет один. Ваша задача найти его в здании склада и условно уничтожить. И прошу поаккуратнее, одного попадания достаточно. В спину в упор не стрелять, достаточно на близкой дистанции сказать: «Убил!» Издали в спину можно. И в плен тоже брать не пытайтесь, он не сдастся. Противник спрятался, можете начинать зачистку.

У меня была фора в десять минут, автомат и нож. А еще моток бечевки. Несколько пустых консервных банок подобрал уже на складе, что несказанно порадовало. Три банки в плохо освещенных местах были оставлены на манер растяжек. Когда первая упала с полки с характерным звяканьем, я понял, откуда приближается как минимум один из противников, благо кошек я не заметил, кошачьего дерьма тоже. Лежу такой между стеллажей и внутренне

посмеиваюсь – перестрелка превратилась в прятки. Банка очень вовремя меня предупредила, практически охранная система фирмы «Союзконсервмолоко». Когда курсант вышел из-за угла, у него не было ни одного шанса. Короткая очередь снизу, вопль и падение не оставили вопросов типа «попал или нет?», я ж тот еще попаданец.

Короткая перебежка и пачка чего-то нетяжелого переброшена через стеллаж, изображая мой звуковой след. Шорох впереди в полутемном прогале зала, опускаюсь на колени, затем на корточки. Из-за стеллажа выскакивает цель номер два и дает приличную патронов на пять очередь над моей головой. Двочка по нему, такие коротыши у меня получаются сами собой, палец сам соображает, как жать на крючок. Еще одна левее в темноту, кувырок и третья очередь за спину на всякий случай. Спурт с низкого старта подальше отсюда, лег, затих. Это тут еще нет фишки помощи раненому, а то бы и около раненого ловил бы курсантов. Рассказывали, летом за норму в этом учебном заведении устраивать марш-броски диверсионных групп с «раненым» – шестидесятикилограммовым чучелом борцовским. Одна компания забила на процесс, на финише доложились, что раненый товарищ умер от ран и был похоронен в лесу. Смышленные парни ночью были подняты с коек и отправлены на эвакуацию тела павшего «товарища». Но тут у нас «раненых» не бывает, только убитые. А кто это сопит вверх? Вот это я уважаю, последний выживший забрался на стеллаж и высматривает меня сверху. Даже жалко валить такого тактически продуманного типа. Стоп, так он с самого начала там сидит, раз я не слышал, как он лезет. Получается, группа должна была меня загнать на него под выстрел? Вот гады!

Одиночный в башку, прикрытую шлемом, а потом очередью по самому стеллажу – получай от души, не говори, что мало!

– Все! Все! Убил уже, хорош стрелять!

– Да я уже перестал. Слазь, товарищ курсант!

Разбор сходки проходил в два этапа. Сначала без детей, а потом уже и перед строем.

– Жорж, честно скажу, удивил. Я своим установку давал не свирепствовать, мол подкрался и голосом сигнализировал «Убил!», а ты им не дал подкрасться. Еще и банок навешал, как немец перед окопом.

– Пусть скажут спасибо, что банки, а не гранаты повешал. Если ты на перестрелку пришел, мины-ловушки и гранаты отменяются? Я своих учу – всегда жди подянки от противника, а ваших, видать, не учат такому.

– Учат. Но мало учат, выходит.

– А еще что заметили, товарищ Милославский? – инструктор-ветеран спецслужб был явно недоволен результатом сходки.

– Ближний огневой контакт на слабую троечку. На скорость плохо стреляют, всё пытаются приложиться как следует. Патроны экономят, что ли.

Неприятнее всего курсантам было видеть, что их визави выглядел совсем молодым парнишкой, хотя и здоровяком. Преподавателю продуть не зазорно, но чего, постарше не нашлось? С другой стороны, у комитетчиков секретов дофига. И говорят, он не силовик, а засвеченный агент, которого убрали с поля. Короче говоря, препод их подловил. Всех. Он на разборе не сказал ни слова, полностью одобряя выступление начальника Курсов кивками головы.

– Товарищ Милославский, есть что сказать напоследок?

– Угу. Курсанты, Родина тратит на ваше обучение огромные деньги. Наш народ делает что может, чтоб вы не легли там, куда пошлют, а вернулись с победой и чувством хорошо проделанной работы. Так что все синяки ваши тут нужны, чтобы не пролилась кровь там. Учитесь военному делу настоящим образом.

– Во ты загнул, прямо как комиссар, еще и Лелина процитировал. А главное к месту, не придерешься.

– Я в Комитет из комсомола пришел.

- Вон оно чего. А я думал, из спорта. Жорж, тебе на самом деле сколько лет?
- Закрытая информация, Сергей Александрович.
- Тьфу на тебя!
- Ну серьезно, Сергей, я похож на девятнадцатилетнего?
- Нет.
- А по паспорту мне столько.
- Всё у вас во Двойке не как у людей.

Языком в КУОС трепать было не принято, никто никому ничего лишнего не рассказывал. Но по непонятной причине на следующий день моя группа уже знала о моем участии в сходке с разгромным результатом. Вечером после факультативной тренировки и коллективного посещения душа уже компания, а не группа собралась на посиделки:

- Жорж, это же правда.
- Что правда? И что есть истина?
- Вы же поняли. Правда, что вы с курсантами в сходке играли один против трех?
- Не буду отрицать.
- Я смотрел, на вас ни одного синяка от пуль нет.
- Видимо, не смогли попасть, я шуплый и вообще мелкий.
- Крут наш препод! Вы один группу из троих диверсантов уделал.
- Да чего там, они же курсанты, то есть ребята несмышленные пока. Вот их и учат. Вот против Голова я бы не вышел. В смысле вышел, но проиграл бы. Скорее всего.
- А в этот раз вы тоже запрещенными методами пользовались?
- Стоп! Это когда я пользовался запрещенными методами? Я строю свой курс обучения так, как считаю правильным и ничего себе не запрещаю в принципе.
- Не так выразился. У вас что-то было нерегламентированное, о чем не знали курсанты.
- Конечно! Презерватив в кармашке штанов и кусок шпагата. Презерватив не пригодился, поскольку я консервные банки нашел.
- Здорово! У них ни одного шанса против вас! Консервные банки – это сила! Не тяните уже.
- Привязал шпагат к банкам, протянул над полом. Когда они пошли, я слышал, по какому крылу они перемещаются. Темновато там было, я еще бечевку об подошву выпачкал.
- Гениально! А если бы банок не было?
- Так гандон на что! Я бы презики надул и также внатяжку повесил. За шпагат потянули, гандон хлопнул – привет начальству.
- А если бы гандона не было?
- Запомни, Федоров, в любом коллективе хоть один гандон, а найдется.
- Ха-ха-ха! Точно, без них никуда! У нас тоже был, ушел с курсов.

Святые люди, они уверены, что в их коллективе ни одного нет. С такими можно воевать. Но воевать пока рано, пока у нас холодная война. И вся беда в том, что мы к ней привыкли. Бла-бла-бла, холодная война, агрессоры и милитаристы... но народ это воспринимает как пропаганду, причем неумелую. Ни ненависти к врагу, ни желания победить. Эдак скоро и в этом временном кластере пойдут шутки про «объявить Америке войну и сразу сдать». А деды этих людей воевали с фашистами, а их отцы слушали жестокое и правильное стихотворение «Сколько раз ты увидишь немца, Столько раз ты его убей!». Такая вот странная история с литературой.

- Парни, на будущее, не надо за мной подглядывать в душе, я не красна девица, у меня тот же комплект причиндалов, что и у вас. Свои рассматривайте.
- Фу, Милославский, вечно вы всё опозлите! Этому не наливаем больше!
- Парни, а у нас же и нечего наливать. Нахрена так говорить, он подумает, что мы тут бухаем.

– Скворцов, расслабься, учись понимать шутки, а то придешь в какой-нибудь коллектив и провалишься, тебя моментом вычислят по реакции на анекдот.

– Жорж, а вы что предпочитаете из алкоголя?

– Игристые вина. Французские, итальянские, хотя и испанские порой вполне.

– Ого, губа не дура у вас.

– Так я и сам не дурак.

– А вы за кордоном бывали? Ой, прошу прощения, молчу.

– На первый раз не замечу. И вообще, не пора ли нам по норам? В смысле, по номерам, а не туда, куда хочется.

Январь промчался быстрее декабря, вероятно этому способствовало отсутствие выматывающих поездок. Вечера в казарме оказались для моей психики менее выматывающими, чем электричка. Поправочка, не в казарме, а в офицерской гостинице. Быстро я забыл уклад настоящей казармы, однако. А еще январь принес кучу подарков. Кроме вознаграждения по итогам года от конторы, внезапно мне выписали премию от КУОС за новый элемент экипировки под названием накладки Милославского. Не знаю, насколько это теперь официальный термин, но в определенных кругах наколенники теперь зовут именно так. Отметился, блин. Так что пара тысяч на что-нибудь дорогостоящее теперь у меня есть. Например, хватит на видеомэгнитофон. Еще и на пару кассет останется, которые по сотне рублей на черном рынке. Можно будет фильмы с Брюсом Ли крутить. Спасибо, не надо! А на колеса всё равно не хватит, так что пусть полежат чуток. И чего я так расщедрился, тот Жигуль в Калининграде отделу отдал. Мог бы потом забрать и приватизировать. Хотя это слово еще не в ходу. И не факт, что приватизация в России пройдет своей кривой смертью по заводам и фабрикам. Просто потому, что нынешнее руководство постарается не утратить суверенитет России.

Глава 5. Старые друзья не меняются

После очередного занятия я вышел из класса и наткнулся взглядом на очередного мужчину в штатском непримечательной внешности, ростом чуть выше среднего и лицом славянского типа. От основной массы таких же мужчин, тусующихся на курсах, он отличался отсутствием волевого подбородка и резко очерченных скул, какие так любят художники изображать на патриотических плакатах. А еще ожидавший меня человек отзывался на имя Петр и имел литературную фамилию Онегин. И я сразу понял, мне попытаются подsunуть какую-нибудь подлянку в красивой упаковке. С другой стороны, я ему так много какашек накидал за время нашего знакомства, что вполне честно ожидать обратку. По сути, его могли и дальше держать в резерве КГБ, если бы ни мои художества. Вдруг ему светила карьера первого секретаря ВЛКСМ всего Советского Союза?

Не светила. Я точно знаю, что если бы я не лез со своими какашками, то через три года комсомол бы самораспустился в условиях смены политического строя и гибели империи. А теперь по комсомолу ничего не ясно. Вдруг в голове возник вот неожиданный вопрос – я предполагаю, что СССР развалится неминуемо, я очень надеюсь, что будут реализованы планы обновленного руководства страны по смягчению падения, так вот – будет ли это считаться гибелью империи? Потеряв какую-то часть или даже многие из провинций и окраин, перестанет ли Россия быть Империей? Какая мне разница, спрашивается. Великодержавный шовинизм, так четко описанный Ульяновым (Лениным) из нашей крови никуда не делся. Если вспомнить Западных философов и политиков, вещавших в том плане бытия перед моим попаданием, все русские заражены этой имперской идеей, мол зараза въелась в них за многие сотни лет и мешает нормальным людям уничтожить этот оплот мракобесия и квасного патриотизма. Значит и сейчас в нас есть эта зараза, в восемьдесят восьмом году она тоже присутствует в крови, просто спит сучка.

– Добрый день, дорогой товарищ...

– Не создавай интриг на ровном месте, Жора. Привет!

– Я что, я строго по шаблонам, у нас тут секретность и всякие допуски к тайне. Рад видеть, Петр! Хотя и понимаю, что не с добром ты ко мне, ой не с добром.

– Да что ж так? Когда я тебе зла желал, Жорж?

– Не, ты не мне зла хочешь, а токмо пользы для родного Управления и Родины в целом.

А уж как оно на моей шкуре отзовется, будет видно. Не так?

– Ну, где-то примерно может, и так. Но ведь не со зла!

– Ладно, Петя, давай не на сухую, пойдем в столовку покушаем. Я так понимаю, раз не по телефону, то не на три минуты – и мы пошли в сторону единственной точки общепита на территории учебного заведения для взрослых мальчиков. Да, девочек я тут среди курсантов не видел.

– Ты здесь вообще почему так плотно окопался, Жорж? В Москву носа не кажешь, в своей квартире не появляешься. Вроде приличное жильё у тебя, мне жена всю плешь проела по поводу отделки, такой же ремонт хочет.

– Прикинь, два часа в день сюда, потом два обратно стоя в толпе трудящихся. Я, знаешь, какое единение с народом ощутил! Вот прямо порой кушать не могу от чувства единения, особенно когда чей-то локоть упирается или мокрой шапкой в лицо. Так что позорно заселился в гостишку и коротаю вечера с курсантами.

– И долго тебе еще коротать тут? А то есть информация, что ты прямо совсем накоротке с местным начальством и не тяготишься. Мол, сдружился с Головым, он тебе разрешает теперь с его солдатами играть в полный рост. А со своими ты вообще, как с крепостными, даже палками их лупишь.

– Вот же у тебя информаторы всё переврали. Но в чем-то да, можно и под таким углом посмотреть. Только я Голова не просил евойных солдатиков, он сам ими хвастаться начал. Типа, самое новьё, и качество как у швейцарских часов, не ломаются и не бьются.

– Не сломал хоть?

– Да чего им делается, они ж оловянные. Только у одного голова чуть не отлетела, дык не страшно, припаяли бы на место. Петр, ты не собираешься говорить, чего тебе от меня понадобилось? Сам знаешь, выпуск в конце марта планируется. А уже потом вам все карты в руки. О! Я надеюсь, вы мои лекции записываете? А то на этих курсантов надежды мало, переврут как за Исусом, а потом расхлёбывай. Я точно подробных учебных планов не оформляю. Исключительно тезисы записываю к занятиям.

– Скромность у тебя Жора, я смотрю, так и не начала вырабатываться. Не переживай, посадили девочку, она звуковые записи конспектирует, а потом методист оформит методичку. Если результат будет признан удачным. Тут же еще личность преподавателя роль играет. Одни и те же слова, сказанные разными людьми, дают разный эффект. Согласен?

– Согласен на сто процентов. Кстати, тут на КУОС, преподы что надо, ни одного теоретика. Но ты же понимаешь, преподавательская работа чуток не моё.

– Ага, тебе бы покочевряжиться как в последний раз, и так каждый раз, да не по разу.

– В точку, Петр. Смотрю, как мои курсанты друг в дружку палят, и на сердце так благостно становится. А то еще сам до звона в башке из всякого импорта настроляюсь, и снова хорошо.

– Маньяк ты, Жора. Слушай, маньяк. Появилась потребность в твоём непотребном виде, в смысле, в юной мордочке, не обезображенной интеллектом и опытом. Соорудим тебе легенду и отправим как призывника на Западную Украину.

– Снова?

– Снова.

– Блин, только с легендой того, посерьезнее. Я на восемнадцать с большой натяжкой сойду. И на пентюха тоже походить не буду, оглянуться не успею, а уже подерусь с кем-нибудь.

– Ты поучи, поучи. Мы ж от сохи, сами не знаем ничего. Два месяца есть в запасе, авось придумаем что путное.

– Да чего придумывать? Тульский пряник, забрали из Москвы из институтского общежития. Даже уточню, из МИИТа. Больше скажу, сбежал сам от милиции, типа отсидеться в армии, глядишь дело на меня и закроют. Статью надо обкашлять. Изнасилование неохота, разбой? За разбоем следяки поедут в любые зелены. Кража?

– Жорж, в корень зришь. Годная легенда. А ничего, что ты в институте не учился?

– В этой жизни нет. А в прошлой как раз в МИИТе и пасса. Петя, ты же в курсе моей истории.

– Семен-Семеныч! Как я мог забыть! А ничего у вас тут кормят, так и растолстеть можно.

– Угу, если сидя работать, а потом на тренировках не выкладываться.

– Скучаешь по спорту?

– Есть такое дело.

– За Динамо выступать будешь?

– А можно?

– Посмотрим. Они команду собирают. А может, в резерв и тренером к ним на постоянной основе? Сам говорил, детишек бить неинтересно.

– Петр, там уже все детишки выросли. Уже такие лоси, что и прибить не жалко. Видел бы ты этих, из СКА Минск.

– Да видел я их. Хорошо выступают. Качественный материал, оказавшийся в опытных руках. Хорошо, что тебя от них забрали, а то никакой интриги бы не получилось, они бы все турниры брали. Здесь еще команду не собрал? А то от тебя всего можно ждать.

– Нет, здесь некогда баловством заниматься, люди жизни чужие отнимать, а свои беречь учатся, не в игры играют.

– Так что, в Москву так и будешь выбираться только по выходным?

– Мне машина нужна, Петр, я по этим временам очень сильно ошущаю её нехватку.

– Вот как! А раньше говорил, что в том твоём времени машина человеку не нужна. Права хоть сделал себе?

– Что значит, сделал? Как положено сдал экзамены, получил права на общих основаниях. Только в автошколе не ходил, экстерном.

– В том времени тоже можно будет экстерном?

– Не, такой доход мимо рук пропускать не захотели. Там же весь мелкий бизнес под «патронажем» МВД с обязательным снятием пробы со всех доходов. А то вдруг у фирмы доходы токсичные? МВД защищает народ от лишнего. Так и говорят чуть не вслух: «Придем на выручку к каждому. Готовьте выручку!»

– Ты сказал, что мелкий бизнес у милиции под данью. А крупный, получается, нет?

– Получается, так. Крупный доит госбезопасность.

– Да уж, гримасы капитализма в чистом виде. И что ваш главный в том варианте истории делает со всем этим?

– Играет теми картами, которые ему сдали. Прикинь, поставили рулить страной, в которой все органы власти контролируют враги. Еще и пообещали врагам при его назначении, мол этот послушный, всё сделает, что скажете. Вот он и выкручивается, потихоньку свою команду собирает из нечестных, но преданных подручных.

– А что, честных не осталось?

– А честные и сейчас при власти не цветут, вянут сразу. Кто хочет быть чистым, тот в дерьмо не лезет. А кто залез, чистым не останется. Или у тебя еще сомнения, Петр?

– Ну тебя, Жора. Я умом понимаю, что ты прав, да только не хочется верить, что никогда приличный человек наверху не окажется. Стоп! Про машину – ты в курсе, что та Лада, что ты калининградцам подогнал, была личной машиной застреленного тобой сотрудника Минского отдела Комитета?

– Откуда? Я думал, комитетская. Он что, на задание на своей катался?

– Сам посуди, официально усопший в это время был в командировке, квалификацию повышал. Какие потом белорусы нам сказки рассказывали, как его отсутствие прикрывали... целая былина сложилась. Помер он в декабре от воспаления легких, представляешь?

– А вы?

– А мы всё слушали и запоминали. Да еще твой крестничек нам подыгрывал. Про их национальное движение «Рух» слышал?

– Ну да, просвещение и пробуждение самосознания народа. Как бы.

– Как бы – хорошее выражение, многое помогает объяснить. Оказалось, КГБ Белоруссии его не только контролирует, оно его и создало. А то раньше контролировать нечего было.

– А эти, Саюдисы с Шилялисами, они тоже из органов зародились? Половым путем, так сказать.

– Нет, Жора, Саюдис самодельный, на американской закваске. А бульбашам завидно стало, что у них нет такой шикарной темы, вот и расстарались. Это по официальной версии. А если вспомнить, как тебя по Беловежской пуще гоняли совместно с английскими поляками, то там еще грустнее.

– Да уж. В Карабахе уже началось? А то по новостям ничего не слышно.

– Началось, как по нотам. Уже Верховный Совет Нагорнокарабахской Автономной Области объявил об отделении. Ждем начала политической борьбы. На первом этапе.

– Решили не вмешиваться?

– Жорж, ты же понимаешь, что я ничего тебе не скажу.

– Но не спросить не мог. А еще вопрос: вы Веника на евреев менять не надумали?

– Это какого Веника?

– Амеры пятнадцать лет назад приняли поправку Джексона-Веника, вводящую эмбарго на импорт в СССР новых технологий. Как санкция за отказ отпускать евреев из страны. Если Союз разрешит евреям свободный выезд, поправку не отменят, будут также блокировать ввоз высокотехнологичных товаров. В моём варианте истории вот в это время уже вовсю по миру функционировали фирмочки «Рога и копыта», которые гнали через третьи страны в Россию станки и технологии. Почти контрабанда в интересах государства. Не знаю, может вы уже давно этим озаботились. Поэтому не напоминал.

– А евреев, значит, предлагаешь у нас оставить?

– Если по уму, то да. А если по-честному, то пусть возместят расходы на обучение начиная с детсадика до института по мировым ценам. А как возместят, пусть представляют декларацию о доходах. Мол, как зубной техник с окладом в сто сорок рубликов собрал выкуп за детей в полста тысяч?

– Жора, ты страшный человек! Пообещать выпустить из страны, потом отнять всё и не выпустить... а посадить за нетрудовые доходы. Не любишь ты евреев.

– Я хитрованов не люблю. У нас таких скоро много вылезет. Те же хоккеисты – научились клюшкой махать за народные денежки, а потом полетят как перелетные птицы в Канаду доллары себе зарабатывать. Да в том моем будущем все спортсмены проститутки. Как гонорары и ордена получать, так они патриоты и не пожалеют никаких сил прославить Родину рекордами. А как жареным запахнет или длинным долларом, тут же гражданство меняют. Хуже проституток, те хоть про любовь не говорят.

– Я доложу начальству твоё видение еврейского вопроса. А ты пока готовься к командировке.

– Да блин! Третий раз в армию забирают! Какая-то бессрочная у меня срочная служба получается.

– Жора, ты в этой жизни свои два года не оттоптал, так что не ной.

– Но снова по первому сроку, это ж ни в какие рамки!

– Ладно, мне надо уезжать. И выбери время, забери ту Ладушку из аэропорта. Они с большого ума пытались её оформить как положено, а руководство не разрешило её на баланс ставить. Я сказал, мы попозже сами заберем. Вот ты и скатаешься. А там уже думай, как документы восстанавливать будешь.

– Спасибо, Петр, не откажусь. Тем более, что она мне, можно сказать, жизнь спасла, увезла от жестокой погони. Руководству пламенный привет!

– Передам. А то оно без твоего пламенного привета бледный вид имеет, скучает по тебе.

Всё ему ёрничать и подшучивать. Хотя и вариант с колесами хороший, за такое можно потерпеть «одно маленькое, но очень ответственное поручение». Давно я на Западной Украине не был, с лесными братьями по душам не разговаривал. Их сейчас и нет уже. Или еще? Лесные братья... мозг за что-то зацепился и не хотел переключаться с темы. Что? Леший! Точно! Голов, леший!

На следующий день я уже сидел в приемной начальника КУОС как токарь-активист с рациональным предложением. То есть с рационализаторским.

– Жорж, привет! Сказали, ты прямо рвался на приём, как беременная комсомолка к секретарю парткома. Что хотел?

– Маскхалат вам хотел сплести, Сергей Александрович. В смысле поделиться одним вариантом.

– Ну вот про что, про что, а про маскхалаты мы всё знаем.

– Почему тогда я не слышал про «Лешего»?

– Что за леший, откуда дровишки?

– История такая. Прошлым летом вышел новый американский боевик с тем же Шварценеггером, что и в Терминаторе. И там мелькнул у спецназа маскхалат высочайшей степени скрытности. И я сразу вспомнил, что в СССР в начале войны еще пытались делать такие вещицы, а потом бросили – по тем временам дорого выходило и тяжеловато.

– Что выходило?

– Не торопи. Брали за основу мелкочаистую сеть, и навязывали волокна мочала. Потом их раскрашивали в разные оттенки зеленого цвета. Получалась идеальная маскировка для леса и луга – просто сказка. Назвали «Леший». Но мочало воду впитывало дико, поэтому быстро вес набирало. Сейчас можно навязывать нейлоновые нитки разных оттенков как при производстве ковров. Узбеки до сих пор ковры вручную еще делают, а тут в сто раз проще. Такой костюм и фигуру размывает, и траву имитирует так, что можно в двух шагах пройти и не заметить бойца, ежели он не покурил.

– Интересно рассказываешь. И не верить тебе, Жорж, еще не было повода. Не болтун ты, за свои слова отвечаешь. Какой длины должны быть нитки?

– Двадцать сантиметров. За середину к сетке привязываешь, получаются концы по десять. На мелкочаистой сети минимум две нитки на одной горизонтальной леске. В процессе можно поэкспериментировать. Стариков спеназеровских своих поспрошайте, вдруг кто помнит про те маскхалаты?

– Что в итоге должно получиться, я пока не представляю.

– Дайте листок и карандаш.

Я набросал сначала схему расположения концов на сетке, потом нарисовал эскиз снайпера в «Лешем».

– У тебя выглядит убедительно. В оттенках зеленого впрямь должно смотреться неброско. Прямо настоящий леший или кикимора из болота.

– Угу. Тут главное, не узорчики выплестать разными нитями, а реально хаотично цвета плести.

– Да, теперь даже представил себе. Не «амеба», не «дубок», гораздо интереснее может выйти. А вот то, что они это уже в кино снимают, очень грустно. Значит у противника такое снаряжение уже широко распространено, пока мы велосипед изобретаем.

– Побежали догонять.

– Побежали. У тебя всё? Тогда и ты беги.

Глава 6. Полевой выход

Как мне мысль в голову про ждущие меня четыре колеса вошла, так и не выходила больше. Даже полевой выход с учебной группой не заставил меня забыть про стоящую где-то далеко, за тысячи километров от меня, мобильность и транспортную независимость.

По поводу предстоящего полевого выхода – у меня в группе не диверсанты, а самые простые оперуполномоченные, из которых решили попробовать сделать не самых простых оперативников. То есть думающих, чувствующих, знающих смысл слова «альтернатива»

– Коржаков!

– Чего!

– Молодец, не попался. Что означает слово «альтернатива»?

– Другой вариант.

– Коржаков, а вставать, когда преподаватель спрашивает, кто будет?

– Пушкин пусть встает

– Обоснуй.

– Он дух бесплотный, ему нетрудно.

– Шаришь, парниша.

– Ко всем обращаюсь, братие, ждет нас через два дня полевой выход. Да не совсем полевой, а скорее...

– Половой?

– Это сейчас кто сказал? Молчите? Ну-ну. Выход будет не половой, а городской. Впрочем, ежели кто по пути соблазнит горожанку, а потом отчитается ношенными женскими трусами, тому дополнительный плюсики в личное дело.

– Гусары, молчать! – какой-то балаган у меня на занятиях постепенно образовался. Мне не мешает, я даже за. У других преподав дисциплина и ранжир, а тут за субординацию можно и неуд получить. Так мы вырабатываем гибкость мышления у курсантов. Хотя кто-то скажет, издеваемся над ними. Но все взрослые люди, они сами сделали свой выбор и делают его ежедневно, продолжая заниматься на курсах.

– Парни, послезавтра руководство колхоза «Напрасный труд» выделит нам автобус для поездки в Москву за покупками. Не слышу ваше «ура». Колхоз и его название – условны, вы вольны сами придумать свою легенду. Основа – мы провинциалы, приехали в организованный тур по магазинам за всяким дефицитом и вкусняшками. Целый день вы будете толкаться по магазинам, а я оценю, насколько естественно выглядите, двигаетесь, общаетесь. Советую не стесняться в выборе своего персонажа. Полный провал – в вас узнали сотрудника госбезопасности, полный успех – вы договорились о свидании с продавщицей. Во втором случае разрешаю само свидание по полной программе. Свидание оценивать не буду, наблюдать тоже.

– По сколько на покупки выделяют?

– По сколько? Поскольку всё купленное перейдет в вашу собственность, покупать будете на свои. Кто не готов так жертвовать, тем выделю по десять рублей. Тогда вечером отчитаетесь по чекам, передадите мне остаток денежных средств и покупки.

– Целый день таскаться с авоськами, а потом всё сдавать? Нет уж, на свои купим, сами сожрем. И выпьем!

– Народ, намекаю – до послезавтра у вас есть время подумать над костюмом.

На выделенном нам ПАЗике с левыми номерами, стареньком и слегка пошкрябаном, отряд выехал на ответственное задание. Я совершенно не переживал по поводу отчета о его проведении. Что-то я напишу, что-то специально обученный человек, внедренный начальством присматривать за мной, а остальное, что забуду, добавят добровольные помощники, если углядят какой-нибудь «урон королевской чести и достоинству», как говорил один монарх в

мюзикле «Тридцать первое июня». С королевской честью всегда непросто, в том же мюзикле начальник службы безопасности был уверен, что что-то найти всегда можно, «... это как посмотреть». Вот и пусть смотрят, насколько надо править мировоззрение защитников Советского строя, чаще всего уверенных, что им право карать и миловать дано свыше, то есть из Политбюро. А инстанцию выше Политбюро они не придумали.

Кстати, Чумак с Кашпировским в этой реальности еще не проявились, только Глоба и Джуна потихоньку отсвечивают. Ну и маги рангом помельче начали активизироваться. По мне, Ленин не все признаки революционной ситуации указал в своих трудах, забыл про оккультизм и семечки. А на самом деле вполне себе признаки, хоть и не факторы. Как увидишь народ, массово лужающий семечки и бегающий по гадалкам, ищи революционные кружки. Владимир Ильич в своих заграничах просто не мог собрать качественный материал, не совался он в страны на высоком градусе разогрева. Так, всё больше по теоретической части, и неплохо у него получалось. А как на практике начал рулить, так его и того. То на гоп-стоп возьмут, то подстрелят, то из Москвы выселят. Потому как вокруг практики стояли, им его желание порулить было как нож в сердце. Руль один, а пламенных сердец много. Потому и привязали к решетке радиатора как свадебщицкую куклу. Сначала живого, а потом и труп там оставили. Трупом Ильич даже удобнее оказался, не пытался письма рассылать контрреволюционные, всякие там «Завещания».

Но сейчас аналитикой прирост потребления семечек впрямую через рты не отследить, собранный подсолнечник весь попадает в графу «масличные культуры» без выделения отдельной строкой «слузгано на колени тонн (ошелушенных/неошелушенных)». И экстрасенсы не регистрируют кооперативы, не сдают отчетность в налоговые органы. Так бы всех ясновидящих в кутузку за нетрудовые доходы, но не поймать никак. Они же ясно видят без дураков, что с милицией надо делиться, так что заранее знают о приходе инквизиторов. Те еще костер не запалили, а оборотни уже погоны надели и обратно вернулись из деревни, где живет ими предупрежденная об облаве колдунья.

А вообще, я очень надеюсь, что после очередной поданной мною аналитической записки, это когда я штаны протирал у аналитиков, госбезопасность сможет отвлечь часть своих немалых ресурсов от поиска врагов в трудовых коллективах и начнет искать настоящих там, где нельзя. По отдельным фразам в беседах с руководством я уловил, что декларируемая неприкасаемость партийных органов дала большущую трещину, когда Романову показали часть раскладов по битве за престол. В той битве нынешнему первому лицу была уготована ранняя пенсия и домашний арест с помидорами на даче, как товарищу Хрущеву. В нечастых беседах на достаточно высоком уровне руководителя Второго Управления со мной общались не как с шуткой Комитета и безусым лейтенантом, а как с пожилым попаданцем волею Мироздания. Так сказать, сверяли часы и расставляли реперные точки. И именно эта моя функция была основной, а не чтение газет.

Почему вспомнил «Тридцать первое июня»? Ну так ПАЗики стрелой не мчатся, время есть. Опять же темы схожие, там девица вляпалась в разборки сильных мира и нырнула за любимым в чужое время. Так и я куда-то вляпался, хотя и нырнул не по своей воле и не так далеко. Может и мне надо было туда, в Камелот вместо всего этого? Диарея, сквозняки, голод и немывые селянки, нет, нам такого не надо! Уж лучше тут без интернета чем в Камелот без ватерклозета. Мироздание, прости меня дурака старого, не посылай в средневековье! Я лучше тут снова состарюсь.

Зима, солнце, лёгкий морозец щиплет носы, румяные парни выпрыгивают из автобуса и от полноты чувств и просто от радости жизни начинают прыгать и плясать – лепота! Вот она, Русь-матушка, вот он неизбежный дух нашего народа! А нет, отбой по радости жизни. Народ замерз, сидя в неотапливаемом транспортном средстве, а теперь пытается согреться прыжками и элементами боевого гопака. То-то я удивлялся, почему румянец у некоторых с синюшным

оттенком, это они дуба давали в салоне. А я в норме, я не замерз. Что значит спорт и молодость. А еще место впереди вплотную к двигателю. Ну дак начальство завсегда впереди на лихом коне, ежели не стреляют. Зато так парни больше похожи на механизаторов из «Напрасного труда», чем на мясников из подвалов Лубянки с руками по локоть в крови.

Налет начали с Универсама с большой буквы. Здоровенная красная буква, небось больше меня, была видна издаля, если выразаться языком побочных потомков Толстого.

– Народ, погнали! Час на разграбление. Хожу среди вас, наблюдаю поведение. Записывать ничего не буду, чтоб вам не обламывать процесс.

– Жорж, а по стопарику можно для сугреву?

– И как это впишется в вашу модель поведения?

– Идеально.

– А чего тогда спрашиваете? Эдак я скоро услышу «Марь-Иванна, я писать хочу!»

Как настоящие русичи мои архаровцы начали штурм цитадели врага с ликеро-водочного отдела. Под неодобрительные, но понимающие взгляды они затарились, скучковались в углу под лестницей и сугрелись. Мне не налили. Да я и сам понимал, что разрушил бы всю маскировку распитием игристого под камамбер. Кстати, ни брюта, ни камамбера в Универсаме не нашлось. Нашелся отдел заказов, где подогретые товарищи буйно выясняли возможность отовариться как-бы заказами с небольшой наценкой. Уболтали тетку и теперь сочиняли адреса своего проживания в столице для записи в книгу заказов. Блин, ничего путного в этом отделе не продавали, только фигню всякую типа конфет-ассорти, растворимого кофе и полусладкого шампанского. Картину завершала сухая колбаса. Ладно, даю попятного, по местным меркам как раз самое то, что народу надо. Восьмое марта на носу.

Курсант Сухопяткин вместо того, чтобы как все отовариваться в отделе заказов, завис в кафетерии на этом же втором этаже. И чего он там хочет добыть, надо посмотреть краем глаза. Ага, начал с коньяка «Белый аист», который тут только на разлив, смелая попытка, гляди-ка, смог чертяка языкастый. Я сижу за столиком неподалеку и пересчитываю деньги, шевеля губами. Бутылка Пепси ждет, когда я долью в свой стакан остатки, а вот нет. Сначала досмотрю театр одного актера. Молодое дарование уже убрало в свою сумку полиэтиленовый пакет с кофейными зернами и сейчас тихонько шепчет что-то на ушко продавщице, красавице между двадцатью и тридцатью примерно полупервой-второй свежести. Похоже, Сухопяткин решил обойти всех по части вживания в роль. Ого, да у него свидание нарисовалось, причем вот прямо сейчас, судя по появившейся на стойке табличке «Перерыв». Не буду смущать голубков, допиваю и ухожу.

Нормально вышло у всех, часа хватило, чтоб отовариться, пошляться по магазину, побачиться с пенсионеркой на тему «едут сволочи и всё сметают с прилавков, а москвичам двести грамм Докторской потом не купить после них». Приятный такой диспут получился у Николенкова с применением ненормативной лексики, простой народ на периферии живет. С разной степенью успешности все курсанты показали свои умения в набрасывании чужой шкурки. Кроме Сухопяткина. Этот обалдуй не смог. Он не смог скрыть довольное выражение лица и чувство превосходства над товарищами, когда мы наконец-то дождались его под буквой «У».

– Сухопяткин, оно хоть того стоило? Так рисковать здоровьем ради выполнения задания преподавателя и плюсика в личное дело.

– Вы ж сами нас учили, что в любом коллективе всегда хоть один гандон найдется. У Веры их целая пачка была. А еще вот! – и он показал настоящие дефицитные дефициты вроде коньяка, натурального кофе и шоколадки «Вдохновение».

– Пентюх, это нерастворимый кофе! Его молоть и варить надо. У нас смотри – бразильский растворимый натуральный!

– Сами вы пентюхи, пацаны! Растворимый кофе как безалкогольное пиво и резиновая женщина.

– А разве бывает безалкогольное пиво?

– Всё ясно, резиновые женщины тебя уже не смущают.

– Мне рассказывали, подводникам выдают в дальний поход. Чего такого, Жорж?

– Тебе наврали. Там места нет на лишний груз. И с давлением сложности.

– И что там с давлением?

– Как на глубине давление повышается, так надувная девушка в ребенка превращается.

А как к поверхности подвсплывают, её раздувает. Тут во, тут вообще во! – И я показал руками, где и сколько этого «во».

– Круто же!

– Угу, а как под тобой лопнет, да как об переборку башкой долбанешься, тотчас не круто станет. Сразу аварийная звенеть начинает.

– Жорж, а вы были на подлодке?

– Нет конечно, с моими габаритами то башкой об трубопровод саданешься, то плечами, когда из отсека в отсек переходишь. Туда только компактных берут, как в истребители. Там еще и бегать надо, как таракан проглоченный. Жуть, короче.

– Значит, был. Мне брат тоже самое рассказывал.

– Разговоры закончили. Равняйся, смиренно! Молодцы, не поддались на провокацию. Сейчас поедем в театральное училище, посмотрим, как будущих актеров дрючат. Глядишь, себя меньше будете жалеть.

С заместителем ректора Шуки по не знаю какой части меня еще до призыва познакомил знакомый фотохудожник. То ли он пасся в училище, то ли училище присосалось к нему, короче говоря, имел место симбиоз. Я тогда по их просьбе дал несколько уроков сценического фехтования, причем совершенно бесплатно. Когда мне предложили в качестве ответного жеста билеты в театры Вахтангова и на Таганке, я прямо пророчески высказался в том смысле, что так легко они не отделаются. Билеты в театр я и по комсомольской линии достать могу, только без специальной любимой девушки я в театр не ходок. А теперь, решая вопрос мастер-класса по актерскому мастерству для своих курсачей, мне пришлось идти к ректору. Не можно показывать святая святых без высочайшего соизволения. Кстати, и ректор у них в прошлом году поменялся.

Разговор вышел для меня запоминающимся хотя бы потому, что я буквально вырос на фильмах с участием их главного начальника. Но начался с наезда на бедного меня:

– Товарищ, что вы тут за цирк устроили! Придумали какого-то Жоржа Милославского, удостоверением мне в нос поддельным тычете. Так и скажите своему начальству – хреновое у них чувство юмора.

– Владимир Абрамович, я к вам не с улицы пришел, и не строевым шагом с площади Дзержинского. Меня ваш зам прислал. А знакомы мы с ним были еще до того, как вы ректором стали. И знает он меня именно как Милославского. Георгий по документам Жорж для знакомых.

– Да? То есть вы не издеваться пришли?

– Владимир Абрамович, вы же не какой-то гражданский шпак, вы боевой офицер в прошлом. И кстати, проходили примерно по тому же ведомству, что и я. – на слове «шпак» ректор заметно дернулся.

– Ладно, рассказывайте, чем вам не угодили мои студенты.

– И снова мимо, дорогой вы наш товарищ Этуш. Мне ваши студенты нужны как наглядное пособие для моих студентов. Я преподаю курсантам сами знаете какого ведомства предмет с условным названием «модели и типы поведения», учу их пластичности и умению влезать в чужую шкуру. Чтоб он не совершали подвигов там, где нужно спокойно пройти по улице, а не героически погибнуть без нужды и пользы для Родины.

– Интересный у вас подход, и мотивация иезуитская. Это новое течение в КГБ?

– Это экспериментальный курс, попытка научить офицеров думать и не ходить строем в туалет.

– Ха! Забавно слышать такое от сотрудника Конторы. У вас какое звание?

– Лэйтэнат я, старшой.

– Вы очень молодо выглядите для офицера, вам не говорили?

– Многожды. У меня очень удобная внешность. От человека с такой внешностью не ждут ничего неожиданного. «Многие парни Плечисты и крепки. Многие носят Футболки и кепки. Много в столице Таких же значков...»

– Верно, молодой человек, верно. Абсолютно непластичная внешность, неразвитая мимика, открытое лицо. У вас только взгляд подкачал, тяжеловат для студента.

– Над взглядом работаем. Так что, вернемся к нашим баранам?

– К вашим баранам. Что вы предлагаете?

– Как говорят на Западе, мастер-класс. Я знаю, у вас студентам дают задания подготовить пантомимические этюды на свободную тему, всяких там белочек изображать, или рваный телефонный справочник... Я хочу, чтоб моих детишек привели на показ этих этюдов, чтоб они всю группу отсмотрели и поняли, на что способен человек, когда ему угрожает опасность быть отчисленным.

– Хорошо говорите, писать не пробовали? Особенно идея с телефонным справочником свежа. Сами готовы изобразить?

– О нет, я актер одной роли. Герой-любовник со второго курса. А пишу пока только стишки гадкого содержания.

– А какую легенду, товарищ старший лейтенант, мы моим студентам расскажем?

– Их есть у меня, товарищ старший лейтенант! Забайкальский военный округ создает свой театр, послали самодеятельных актеров из Дома офицеров посмотреть на настоящих артистов. А их пустили только к будущим актерам, к заготовкам. К живым актерам росточком пока не вышли. Кстати, там все мальчишки будут, и все в пубертатном возрасте, до тридцати годиков.

– Жорж, вы так обо мне хорошо осведомлены. Хотя, чему я удивляюсь. Думаю, вполне подходящая легенда. Давайте согласуем дату.

Собственно говоря, именно к мастер-классу полевой выход и был привязан. Не хотел своих пацанов лишней раз тащить в Москву. Пока ехали в автобусе, дал вводную и пояснения, чтоб не накосячили.

– Народ, внимание. По легенде вы офицеры, но так-себешные. В Читинском Доме офицеров играете, точнее пытаетесь играть пьесы сочинения своих сослуживцев. То есть на Сартра и Вампилова пока не замахиваетесь. И вот случилось чудо, вам покажут, как в театральном училище имени Щукина из говна лепят настоящих актеров, а не таких как вы. Потому как таких из говна не слепить. Это понятно?

– Товарищ Милославский, сейчас вы нас оскорбили или комплимент сказали?

– А это с какой точки зрения посмотреть. По существу вопросы есть?

– У нас полевой выход продолжается?

– Молодец, вопрос по теме. Да, у вас по-прежнему полевой выход и учебный процесс в разгаре. Задачи – не спалить контору; понять возможности человеческого организма и психики. Увидеть, что человек при желании может сотворить в плане перевоплощения, не прибегая к техническим средствам, макияжу и одежде.

– А студентки совсем не будут прибегать к одежде?

– А задание по совращению еще в силе?

– А нас там кормить будут?

– По первому вопросу – как повезет. На остальные ответ – нет. Сходим потом на Арбате в кафешку, но остаемся в образе. Продукты с собой можно не нести, если только кто захочет

шоколадку девушке подарить или палку колбасы. В салоне автобуса продукты не испортятся, я попрошу не выключать холодильник.

– Ага, сам около печки сидит, вот и шутит.

Глава 7. Лицедей

Да, братцы! Чтоб понять возможности человека, мало слов. Это надо видеть. Я и раньше знал, что дрессировкой можно добиться многого, но, когда дрессируемый и дрессировщик стремятся к одной цели, результат впечатляет. Впрочем, я дилетант, мне актерские этюды в новинку пока, потому и ахал тихохонько, чтоб не помешать студентам. А преподаватели, оценивающие выполнение задания, находили косяки, хмурились в каких-то местах и качали головами. С другой стороны, мои ученики на тренировках по истфеху тоже кому-то казались безумными мясорубками, я всегда находил повод для недовольства и возможности для совершенствования.

Одним из требования этих этюдов было отсутствие какого-то реквизита или специальных костюмов. Молодые люди, беззвучно изображающие всяческих животных и предметы, были одеты в трико, порой весьма и весьма облегчающее. Так что шутка про студенток, не прибегающих к одежде, имела право на жизнь. Мои студенты сидели отдельно от прочих и вели себя достаточно кондово, отыгрывая забайкальских актеров в погонах, временно без погон. Попытки общаться с местными студентами прерывались одним из преподавателей без моего участия.

Я вообще старался не светить. Особенно после услышанной фразы от какой-то студентки: «Вон тот молоденький, ничего так, я бы с ним позанималась актерским мастерством. Факультативно» Девушка дорогая, я бы и сам с тобой позанимался, но боюсь. Вы же актриски все безбашенные как самоходка «Фердинанд», вы же сначала даете про... прикурить в смысле, а потом голову всё равно не включаете. Вам не положено думать, вам чувствовать надо на всё жалование актерское. Так что записочку с именем и номером телефона, незаметно подкинутую на мой стульчик, брать не стал. Чтоб я сам себе проблему на свою голову поднял? Сдвинул ногу вбок и прикрыл бумажку бедром, чтоб не видно было. А в мой карман она перекочевала сама и совершенно незаметно для хозяина кармана. Вот честное слово!

Мне было в чем-то даже труднее, чем моим – они с упавшими челюстями смотрели на этюды, а я и туда хотел смотреть, и на своих, мне было важно то, как они реагируют, как держат себя в предложенной роли. Вроде без серьезных косяков, в обморок никто не падает, матерно не выражается, всё в парадигме офицера из самодеятельности. Опять же пахнет от них естественно: парфюмом, легким перегаром и выхлопными газами от нашего ПАЗика. Замечочка на будущее: не забыть рассказать курсантам про запахový портрет, влияющий на первое ощущение при знакомстве. Если ты пахнешь солярой, то никакой смокинг не обманет собеседника, это простыми словами говоря.

Из просмотрового зала моя группа уходила последняя. Перед этим преподаватель, не помню его имени, но с неуловимо знакомым лицом, поблагодарил нас за помощь в проведении занятия. По его словам, такое количество посторонних подхлестнуло ребят показать всё, на что они способны. Ну и пожелал нам творческих успехов, выразил надежду, что сегодняшнее занятие поможет им в дальнейшей успешной карьере на ниве служения зрителю. Эти актеры вообще ненормальные люди. Нормальные люди от обилия чужих глаз смущаются и теряются, а эти кайф ловят, кураж по-ихнему. Ну да, такое у них призвание. Чем больше людей увидит, как ты на банановой коже поскользнулся, тем успешнее ты как актер. Мои бойцы невидимого фронта выступают в противоположном амплуа, при этом я учу их тем же фишкам. Крайности сходятся.

Обедали или полдничали мы в приличном таком ресторане на проспекте Калинина, будущем Новом Арбате. Назывался ресторан просто и без затей «Арбат». Нас поначалу не хотели туда пускать, ориентируясь на наши кроликовые шапки, стремные болоньевые зимние куртки и драповые полуперденчики. При этом мест было еще много, вечер только начинался и том-

ным не становился. Швейцар привычно встал в дверях грудью, и был снесен мною, по рассеянности, не заметившим препятствие. Когда, еще лежа, он начал набирать воздух в легкие, я показал ему корочку: «Успокойся, дядя. Мелиораторов в Югославию везем. Надо к культуре работяг приучать, чтоб страну там не опозорили». Инцидент был урегулирован к обоюдному удовольствию сторон: мы им не разнесли заведение, они покормили нас вкусно и питательно. В процессе поглощения пищи я продолжал наблюдать за курсантами. Только двое лоханулись и взяли в руки столовые ножи, остальные секли фишку и громко сморкались в салфетки. Естественно, в этих условиях никакого разбора полетов быть не могло, полет еще продолжался. Кстати, когда светишь ксивой, а контингент не заказывает коньяк и осетров, то и на проспекте Калинина можно покушать вкусно и недорого, по два с полтиной на брата вышло.

Вернулась в КУОС команда уже по темноте. В столовой для парней был оставлен ужин, но никто на него не пошел, то ли вымотались, то ли не хотели испортить послеужинное от неурочного полдника в ресторане. Разбор полетов Милославский назначил на завтра, у бойцов наступило долгожданное личное время. Большинство собралось в одной из комнат, кое-как разместилось по койкам, тумбочкам и на подоконнике, начался предварительный разбор:

– Парни, вот такие полевые выходы мне нравятся.

– Ага, и затарились, и покушали цивилизно, и на юных актрис посмотрели.

– Ты что, только на девчонок пялился? А на парней смотрел? Те два крокодила отпадно за добычу дрались.

– Смотрел-смотрел. Я что дурак, подставляться перед этим Милославским. У него же в башке неизвестно что.

– А что тебе не нравится? Нормальный преподаватель, а заскоки, так у всех преподав наших свои заморочки.

– Только те все уже в возрасте ветераны, а этот... выскочка.

– А про этого мы ничего не знаем, он засекречен. Ты видел, он с Этушем, который заходил посмотреть, ручкался.

– А что Этуш, ну да, актер знаменитый, Карабаса-Барабаса играл. Так там все актеры небось.

– Дурень, у них Этуш ректор института. Это генеральская должность.

– Да, и здесь он с Головым вась-вась.

– Может сынок чей-то?

– И поэтому уделал на сходке троих диверсантов. Или они поддались?

– Кстати, кто-то засек, почему он с нами в КУОС не поехал?

– Не, а ты что, что-то интересное узнал?

– Его студентка закадрила. Или он её.

– Да ладно, он же нас всё время пас.

– Точно говорю, они на просмотре записочками обменивались.

– Может конспиративная встреча была с информатором? А ты спалил.

– Ну да, а для пушей конспирации нас взяли, чтоб незаметнее было. Чуть не двадцать оперативников проползли по улице и не спалились при передаче секретной информации.

– Точно! Он сейчас её допрашивает. Возможно, с применением спец.методов.

– Молчи, Сухоруков, ты сегодня тоже кого-то допрашивал. Я всё ждал, когда Милославский вмешается и отзовет тебя с задания.

– А чего ему вмешиваться?

– Ну чисто кайф обломать. Такая у начальства природа – жизнь человеку портить. А уж этот молодой да ранний тот еще кайфоломщик.

– Это ты ему кистень простить не можешь. Вернее, тот факт, что побоялся против него выйти.

– И правильно сделал. Я точно говорю, это же тот самый Милославский, который несколько команд по истфеху подготовил, чуть не все чемпионы его ученики. Он с холодным оружием непроходим как бурелом зимой.

– А что, летом по бурелому легче идти?

– Зимой земля всё намертво держит, летом какие-то стволы еще подаются, а зимой как монолит.

– Вы как хотите, а по-моему, нас правильным вещам учат. И сегодня хорошо вышли.

– Коллеги, а кто-то узнал, сколько ему лет на самом деле?

– Узнал один такой. Закрытая информация, он же сказал.

Да, я признаю, что повел себя ветрено и по-мальчишески, поддавшись непонятному порыву молодого тела. Или тот порыв вполне объясним как раз потребностями молодого организма? Прикинув, что занятия в институтах давно закончились, времени на дорогу тоже достаточно прошло, я позвонил прямо из ресторана, в который вернулся, выпроводив курсантов и загрузив их в автобус. Сами доедут, не маленькие. А не доедут – будем считать это еще одним испытанием.

– Алло, могу ли я услышать Жанну?

– А кто её спрашивает?

– Скажите, тот самый молодой человек, у которого хромает актерское мастерство.

– А имя у этого молодого человека есть?

– Жорж.

– Ждите, Жорж. Сейчас позову.

– Алло – вот теперь на той стороне звенящий девичий голос. А не тот надтреснутый, каким обычно говорят в кино персонажи Фаины Раневской. – ты издеваешься?

– Вот сейчас не осознал причину наезда.

– Мстишь за моё имя? Я на самом деле Жанна, как ты мог убедиться. Как тебя на самом деле зовут?

– Вы с Этушем как сговорились. Сначала он не верил, теперь ты. Неужели Жорж в стране Советов такое матерное имя?

– А ты знаком с нашим Карабасом? Точно, вы же за руку здоровались. Я думала, он просто из вежливости.

– Так что, когда ты планируешь заниматься со мной актерским мастерством? Факультативно.

– Да хорош уже подкалывать. Я думала, меня не слышно. А ты сейчас где?

– В «Арбате». А то так кушать хотелось, что не смог отказать себе.

– Вы там все?

– Нет, все в гостиницу уехали, а я тут пока остался.

– Хочешь, чтоб я тебе Москву показала?

– Да тут смотреть особо нечего акромя театров. Но театр у меня сегодня почти что был.

– То есть ты не первый раз в Москве.

– Да у меня тут квартира, вообще-то.

– Погоди, а говорили, что самодеятельный театр из Уфы.

– Из Читы. Только нюанс – из Дома офицеров. А офицер птица перелетная.

– И что, ты из Москвы в Читу? Это вообще где, Чита?

– Это секретная информация, я не могу её разглашать по телефону.

– Зачетный подкат, Жорж! Секретная инфа про Читу, могу рассказать только лично. Ты продержишься в Арбате полчаса? Не выгонят?

– Тридцать минут или женские полчаса?

– Блиныч, ты же военный! У вас полчаса через тридцать минут кончаются... Ладно, через сорок минут приду.

В старом шестиэтажном доме в Малом Васильевском переулке пританцовывала от нетерпения студентка Щукинского училища Жанна как третьеклассница, а за ней с осуждением наблюдала её мама с хорошей осанкой и прокуренным голосом.

– Это ты в честь того юноши так стремительно изменила свои планы? Что за спешка?

– Он у меня военный, красивый, здоровенный! – наполовину пропело, а наполовину пропыхтело дитя, натягивая колготки поверх колготок.

– Фу! Какой-нибудь танкист или пехотинец?

– Не угадала! Он из труппы самодеятельного офицерского театра, их Карабас к нам приводил на этюды учиться мастерству у самых талантливых студентов училища. Сказал, ему не стыдно показать лучших из лучших.

– Вот это ты врешь! Не мог Владимир Абрамович такое сказать. Чтобы он похвалил авансом, небо должно упасть на землю. У вас небо не падало? И где этот офицерский театр, которому взялся помогать ваш ректор? На Фрунзенской набережной в доме со звездой?

– Где-то в Чите. Жорж клялся рассказать и показать на карте, где находится Чита, но не по телефону.

– Да, дочка. Это очень интересное место. А ты ничего ему взамен показать не обещала?

– Мама, от твоих намеков веет пошлостью! Советские офицеры, они такие галантные и утонченные.

– Ага, особенно танкисты, особенно в Чите. Папе расскажешь потом, он посмеется от души. А сама ты сейчас куда собралась? Не в Читу часом? И, я надеюсь, не в гостиницу для артистов в погонах?

– Жорж меня ждет в «Арбате».

– Скажи-ка на милость, их в «Арбат» начали пускать? Он такой старый?

– Молоденький-молоденький. Лейтенант, наверное. Здоровенный такой, как шкаф. И с гагаринской улыбкой.

– Ты что, влюбилась что ли? Лейтенант из самодеятельного театра в «Арбате». Из Читы.

– Почему из Читы, у него квартира в Москве.

– Это он так сказал? Он еще и врет как сивый мерин. И к этому человеку на свидание собирается моя дочь!

– Уже собралась, мама! Я побежала!

– Шагом! Я сказала, шагом девушки ходят на свидания.

Время, обозначенное Жанной как момент сопряжения наших судеб на этот вечер подходило, а я только сейчас понял, что нами никак не оговорен технический момент. Мобильников нет (вот прямо то, чего больше всего в жизни не хватает), а ресторан очень большой, несколько залов, два этажа... Придется встречать даму лично около входа, надеюсь он тут один. Позвал официанта, велел перенакрыть столик наново на две персоны, заказал игристое в ведерке со льдом, открывать не позволил. Неожиданно в меню оказалось итальянское просекко, респект заведению! Дал сразу пятерку, так сказать, для знакомства и пошел к выходу.

Швейцар был тот же, он слегка вздрогнул, когда увидел меня в метре от себя.

– Нормально всё, дядя. У меня рабочий день кончился, я теперь просто посетитель.

– Понял сейчас. А тогда не понял.

– Про меня кому рассказал?

– Никому – и глаза такие честные.

– Администратору, бармену, проституткам?

– Проституткам не говорил.

– Вот и ладно. Правильно сделал, коллег подставлять не надо, тебе с ними еще работать и работать. Ты не против, я на крыльчке девушку подожду? А потом мы сюда.

– Да, конечно. Я что ж не понимаю, у вас тоже личное время должно быть.

– В точку, уважаемый! В самую точку! До отбоя у меня личное время.

Выйдя на улицу, я понял, что слегка погорячился. Но тут ситуация такая, что в фойе ждать бесполезно, не всех пускают по вечерам в московские рестораны, не факт, что моя новая знакомая из тех, кто вхож сюда. А кричать через стекло, мол меня ждут внутри – тот еще вариант. Рядом десяток таких, кричащих то же самое, стоит. Сверил часы, должна уже подойти, если не соврала. Потому как еще пять минут, и я дам дуба.

Давать дуба не пришлось, Жанна вынырнула из сумрака как подводная лодка из морской пучины.

– Привет! Я замерз как цуцик, пошли в зал скорее.

– Где ваши манеры, Жорж?

– Замерзли и втянулись в организм как... как голова испуганной черепахи. Пошли уже!

В зале мои манеры потихоньку набухли и к нашему столику девушку подвел уже галантный кавалер с замашками столичного гусара. Я даже отодвинул стул, а потом вернул его на положенное место уже вместе с юной попкой девушки Жанны. Очень удачно подскочил официант с ведерком, из которого торчала характерная бутылка с несорванной фольгой. Или труженик отрасли услуг впечатлился авансом, или посетителей было мало еще. А скорее всего, он уже знал мой статус представителя кровавой гэбни на отдыхе. Да еще такой представитель, который их швейцаров по полу валяет.

– Жорж, ты решил меня сразу взять в оборот, к чему эти шаблоны и шампанское в ведерке?

– Я его люблю. Люблю доставать бутылку изо льда и смотреть как запотеваает стекло. Люблю слушать, как поёт тонкий бокал, отвечая пузырькам, прыгающим вверх со дна. Люблю вкус сухого игристого. Так что, если ты не любишь шампанское, я выпью его один. Всю бутылку.

– Странный ты. Признался в любви бокалу вина, обиделся, что я тебя заподозрила в попытке моего совращения. Мама не так себе представляет актеров из Читинского дома офицеров.

– Ну тогда я отвечу ей той же монетой.

– Ну-ка, попробуй.

– Твоё «попробуй» звучит как вызов. Твоя мама слегка облагороженный вариант Фаины Раневской. Худая как палка курильщица, пошлячка и матерщинница.

– Ты победил. Твой портрет ближе к истине, чем её представление о тебе. Как определил?

– По голосу. Ну и время прибытия говорит, что ты где-то неподалеку проживаешь. Значит родители или из профессуры, или из бомонда. Профессорские жены обычно тихи как украинская ночь, значит мама поэтесса или актриса на пенсии.

– Почти угадал. А ты сам из какой семьи? И вообще, как тебя сюда пустили? Ты из мажоров? Давай колись, кто папа?

– Папа шахтер, мама бухгалтер. Главный бухгалтер. Я вот лицедействую потихоньку. А попал сюда просто – повалил на пол швейцара и вошел. Кто меня такого молодого красивого остановит?

– А фамилия твоя...

– Фамилия моя слишком известная, чтоб называть её. Но тебе скажу: Жорж Милославский собственной персоной.

– Ой, не могу! Ты клоун, а не актер. Милославский, скажешь тоже!

– Тише ты, услышат. Я не готов раскрывать всем своё инкогнито.

– Мама была права, ты врешь как сивый мерин. Ведь ни слова правды еще не сказал.

– Ну да, один раз соврал. Про папу.

– И кто у нас папа?

– Главный ревизор, работает в угольной отрасли работает. Но так-то шахтер, раз угольщик.

– А фамилия?

– Этуш тоже не сразу поверил, я ему удостоверение под нос, а он кричит, что достали со своими шуточками.

– Ну ты прикинь, он играл в комедии «Иван Васильевич меняет профессию» обворованного Шпака, а тут ты приходишь и представляешься: Жорж Милославский. Ну кто поверит-то? У него друзья актеры, они спят и видят, как бы кого-нибудь из своих разыграть. А ты такой: Жорж Милославский. Ха-ха-ха!

– Всё встало на свои места, Жанна. Я как-то подзабыл про этот момент. Про Карабаса-Барабаса помнил, а про Шпака нет. Еще и его со шпаком сравнил.

– С каким шпаком?

– До революции это презрительное наименование всех статских со стороны военных.

– Так он шпак по сути?

– Нет, он войну закончил старлеем, комиссован по ранению, орденосец.

– Ух ты, не знала. Жорж, у тебя для военного очень грамотная речь и обширный словарный запас. Ты точно офицер?

– Точнее не бывает. Я советский офицер.

– А сколько тебе лет?

– Жанна, я же не спрашиваю, сколько тебе.

– Женщин о таком не спрашивают. Надо бы знать.

– Хорошо, не буду. Так тебе наливать?

Сорвав фольгу и расплетья проволоку, я аккуратно выпустил пробку из горлышка, она оказалась настоящей. Надеюсь, и вино настоящее.

– О! Пробка настоящая! Плюсик этому ресторану. Жанна, сейчас мы будем пить традиционное итальянское игристое вино из области Венетто, коей управляет город Венеция, один из прекраснейших городов мира. Просекко обладает легким цветочным привкусом и не кислит, как всякая прочая мочевина, гордо именуемая Советским шампанским.

– Уже наливай, хорош трепаться. А вообще ресторан центровой. Стараются марку держать.

– Тогда может и по меню ориентируешь? Что-то тут готовят лучше, чем везде?

– Мы сюда не наедаться приходим, а потусить. Так что не подсказу. И вообще, ты тут только что ел. Заказывай легкие закуски и баста. Хорош про еду уже. Тут живую музыку играют. То джаз, то Запад перепевают, нормально отвиснуть можно.

Глава 8. Такая долгая ночь

Хорошо посидели. Точнее, хорошо попрыгали. Большую часть вечера мы провели на танцплощадке ресторана, отрабатывая координацию движений и прокачивая выносливость. Одна бутылка на двоих не затуманила мозг ни мне, ни Жанне, зато позволила немного раскрепоститься и сблизиться ментально. Молодая, яркая, отлично двигающаяся девушка с породистой внешностью, а если говорить честно, то прямо красавца, не могла не привлекать внимание. А какой-то молокосос вообще не попал в фокус зрения какого-то взрослого и серьезного человека.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.